

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА СРЕДНЕВЕКОВОГО КИШИНЁВА

Андрей ГЕРЦЕН, Тамара НЕСТЕРОВА, Евгений ПАСКАРЬ

Историко-географический подход

Полноценные представления о богатстве культурного наследия какого-либо региона невозможно получить без проведения историко-географических исследований. Комплексный историко-географический подход позволяет представить историко-географические ландшафты как целостные природно-антропогенные геосистемы, изучение которых интегрирует накопленные знания различных научных отраслей, а также даёт основу для дальнейших географических, исторических, этнографических, культурологических и других научных и практических исследований. Высокое разнообразие историко-географических ландшафтов вместе со сформировавшимися в результате многовекового исторического процесса в их рамках историко-географическими регионами привело к их существенным этническим и религиозным различиям, многоукладности, значительной пестроте идентичностей и политических предпочтений, богатому культурному наследию (см. рис. 1; жёлтым выделена степь, светло-зелёным – лесостепь, зелёным – леса, тёмно-зелёным – заболоченные местности). Формирование ландшафтных условий строго зависит от климатических особенностей и конкретно от коэффициента увлажнения: в лесах осадков выпадает больше, чем испаряется, поэтому формируется соответствующий растительный покров и природный комплекс, в лесостепи коэффициент примерно равен единице, оттого в зависимости от рельефа местности лесные дачи перемежаются с травяными экосистемами, а в степи испаряемость существенно превышает количество выпадающих осадков, поэтому она так пустынна – лесные массивы тут встречаются только в долинах крупных рек, где постоянно имеется влага. Этнические сообщества в допромышленную эру находятся в прямой зависимости от агроклиматических условий. В различных природных условиях формируются и особые историко-географические области.

Географическое положение Молдавии и всего региона Северо-Западного Причерноморья на стыке крупнейших природных и цивилизационных зон обусловило значительное разнообразие его физико-географических и социально-экономических условий, длительное историческое развитие и богатое культурное наследие, что в течение многих столетий имело большое значение для

исторического, этнокультурного, политического и экономического развития евроазиатского пространства.

Кишинёв расположен в центральной части Северо-Западного Причерноморья на границе лесной и лесостепной зон. В основе историко-географического ландшафта Большого Кишинёва два специфических географических района – лесная возвышенность Восточных Кодр и лесостепные участки Приднестровской равнины. Широкая заболоченная пойма Быка, служившая в допромышленную эпоху природным историко-географическим рубежом, в Новое время стала центральной интегрирующей осью урбанизированного историко-географического ландшафта. Средневековый центр города сформировался на правом берегу реки. Вместе с тем, в силу топографических особенностей местности и специфики исторического процесса в регионе левобережье Быка сыграло важную роль в формировании целостного историко-географического ландшафта.

Геологически обусловленное сужение поймы Быка в районе Кишинёва (протянувшаяся в субмеридиональном направлении, гряда коралловых рифов эпохи Сарматского моря сформировала выходы известняковых скал, пересекаемых руслом реки) обеспечило возникновение надёжных бро-

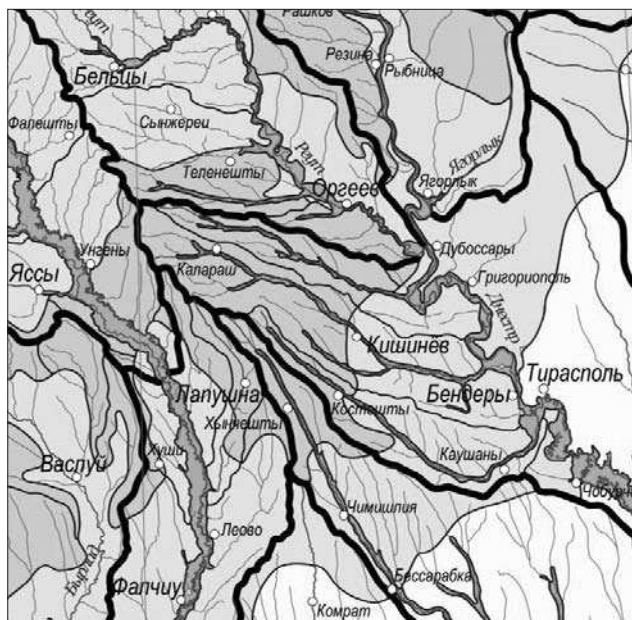

Рис. 1. Историко-географические ландшафты Кишинёва и Центральной Молдавии / Историко-географические ландшафты Северо-Западного Причерноморья. Фрагмент карты (Герцен А.А., 2013).

дов, ставших частью одной из дорог, связавших север и юг Северо-Западного Причерноморья. У этих бродов, на пересечении с другой дорогой (субширотного направления, вдоль поймы Быка) образовалось историческое ядро средневекового Кишинёва, его рыночная площадь и улицы.

Полимасштабный историко-географический анализ предполагает различный уровень пространственно-временной детализации и систематизации природного и историко-культурного наследия, этапов его эволюции, географических факторов, обусловивших конкретные этногенетические и культурологические процессы. Комплексный подход позволяет полноценно представить общую картину историко-географической эволюции ландшафта и понять роль и место отдельных его компонентов в единой структуре, ответить на нерешаемые отраслевыми методами научные проблемы и вопросы, выявить не обнаруженные ранее памятники наследия.

Картографический метод, современные геоинформационные технологии, доступность снимков с космических спутников позволяют систематизировать и наглядно представить комплекс, наилучшим способом отобразить территориальное

сочетание достопримечательностей, существенно улучшить качество оценки туристического потенциала региона, создавая в результате наглядные карты, картосхемы, схемы специального содержания. Комплексные исследования на основе такого полимасштабного подхода были проведены на макрорегиональном уровне в рамках специальных топонимических изысканий – географические названия с основами *Молдав-/Молдов-* в пределах Центральной Европы и Балкан (Паскарь, Герцен 2016), а в Северо-Западном Причерноморье – на мезо- и микрорегиональном уровне – для историко-географического ландшафта Среднего Днестра, характеризующегося чрезвычайно высокой концентрацией памятников природного и культурного наследия, формирование которых обусловлено одновременно пограничной и связующей ролью реки (Герцен 2017).

Целесообразным представляется проведение комплекса историко-географических исследований Кишинёва, города с древней историей, богатым культурным наследием, которое несмотря на длительный период разнообразных и многосторонних изысканий, вследствие слабого применения широкой междисциплинарной методологии,

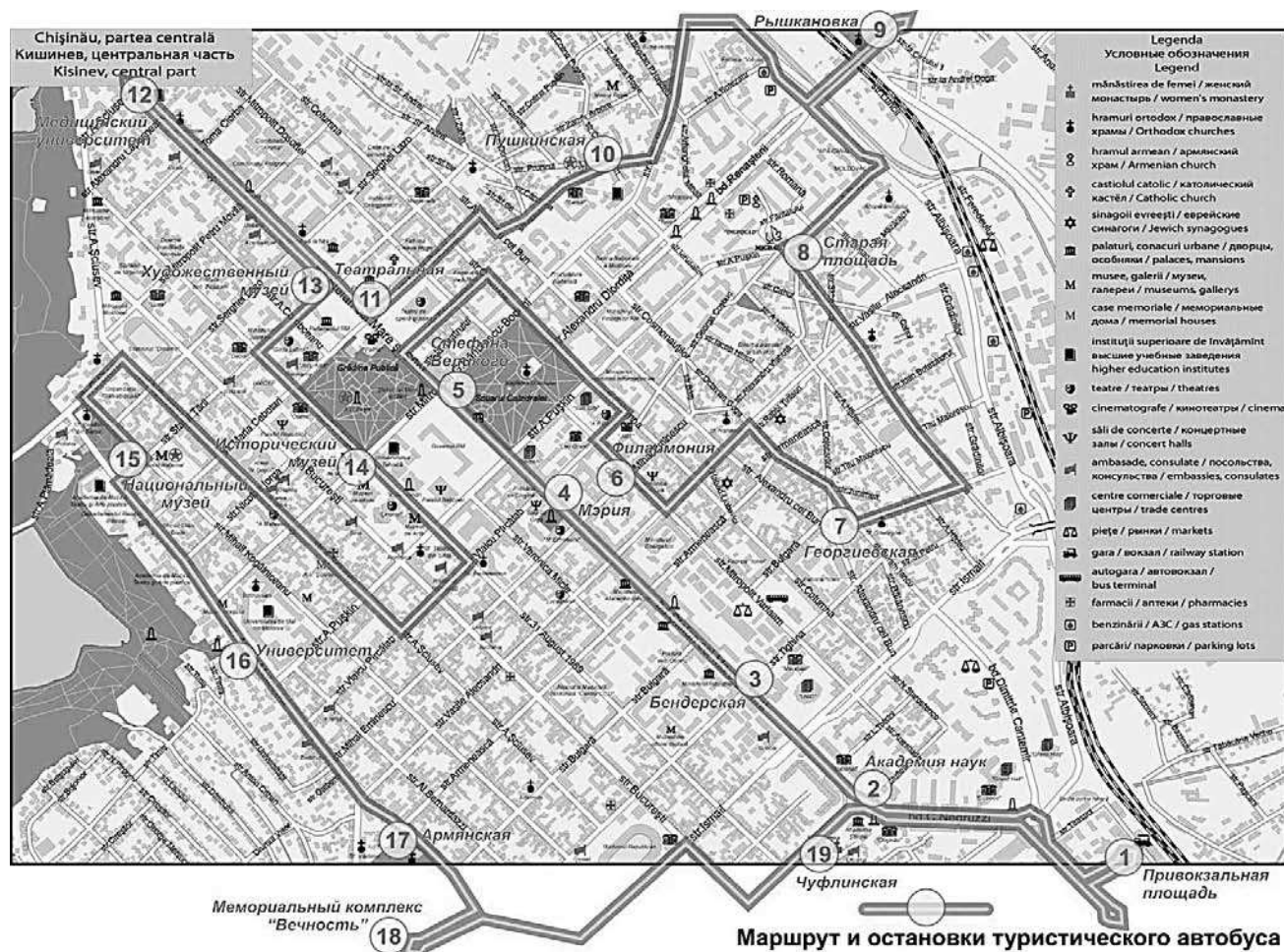

Рис. 2. Фрагмент «Туристской карты Молдавии» (на трёх языках. Герцен А.А., ИНГЕОКАД, 2004; 2-е изд. 2007) и проектное предложение 2012 г.

подлинного историко-географического подхода остаётся недостаточно изученным.

Объекты культурного наследия (археологические стоянки, селища, городища, курганы, памятники архитектуры и искусства), а также памятники природы (геологические, палеонтологические, гидрологические, ландшафтные, заповедники) расположены в пределах особого историко-географического ландшафта и составляют единый природный и историко-культурный комплекс.

Определённой попыткой научного анализа и практического внедрения его результатов служит опыт картографической систематизации природного и культурного наследия Кишинёва (см. рис. 2). Здесь представлен фрагмент «Туристской карты Молдавии» (Герцен 2004, 2007), на основе которой в 2012 г. разработано Проектное предложение по организации маршрута туристического автобуса, представленное в профильное управление Мэрии г. Кишинёва (Герцен 2016, 75-81).

Несмотря на значительное продвижение в направлении тематического картографирования, отраслевых и систематизирующих исследований объектов природного и культурного наследия,

большую пользу для реконструкции историко-географического ландшафта Кишинёва может принести анализ картографических и исторических источников.

Картографические источники XVI-XVIII вв.

В середине XVII века Кишинёв становится известен западноевропейским географам и топоним впервые попадает на географические карты.

Наиболее раннее (на текущий момент) обнаруженное обозначение Кишинёва в форме *Kisinau* встречается на карте «Течение Дуная от истоков до устьев, являющееся частью Империи Германии, и государств, которые были или остаются в Империи Турок в Европе, с частями государств Светлейшей Республики Венеции» (рис. 3), составленной выдающимися картографами эпохи позднего барокко Винченцо Коронелли, Жаном-Николя Дю-Тралажем (Тиллемоном) и Жаном-Батистом Ноленом специально для маркиза Куртанво (Франсуа-Мишель Летелье, маркиз Лува; военный министр величайшего французского короля Людовика XIV), изданной в Париже в 1688 г. и сохранившейся в коллекции Национальной библиотеки Франции.

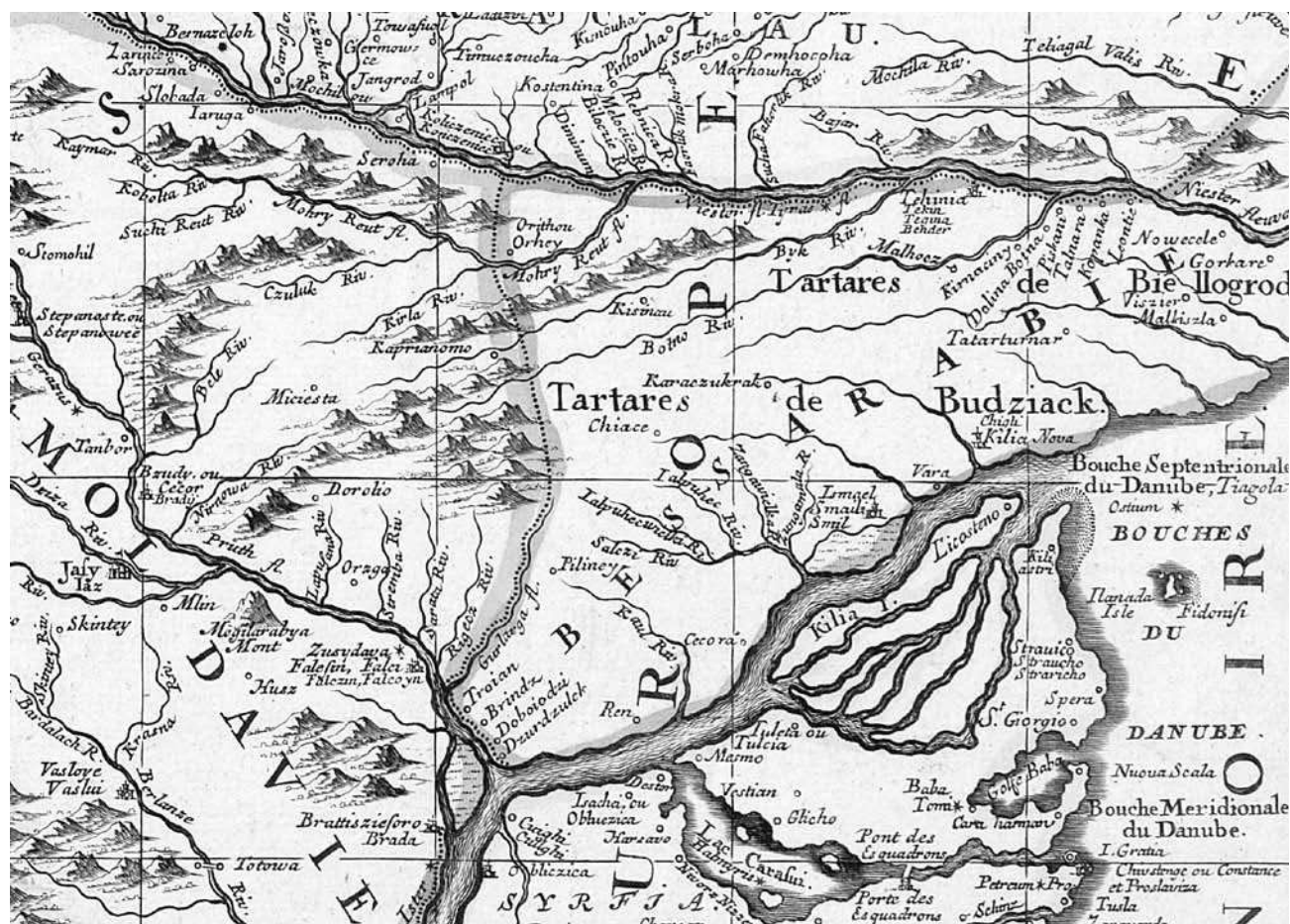

Рис. 3. Фрагмент карты «Le Cours du Danube depuis sa source jusqu'à ses embouchures ou sont partie de l'Empire d'Allemagne; et des Etats qui ont esté. ou sont encore de l'Empire des Trvcs en Europe; Avec Partie des Etats de la Ser.me Republique de Venise». P. Coronelli, Sr. Tillemont, I.B. Nolin. Paris, 1688.

Карта отличается значительной подробностью для выбранного географического охвата, в первую очередь в отношении отображаемых физико-географических особенностей местности – гидрографии и рельефа, а также некоторых населённых пунктов, многочисленных гидронимов и ойконимов, политико-географических и этнографических подробностей, в том числе в регионе Северо-Западного Причерноморья.

Карта состоит из двух соединённых листов общим размером 121,5x46 см и относится к категории обзорных (масштаб 1:1920000). Вместе с тем очевидна её чрезвычайно высокая подробность, что характерно для обзорных карт военного назначения. Формат произведения объясняет принципы его составления и оформления и, безусловно, подразумевает определённую степень генерализации. А то, что на карту, охватывающую земли от южной части Германии до Чёрного моря, попали многочисленные подробности по каждому из регионов, свидетельствует о том, что в первоисточниках, использованных составителями, несомненно содержались более детальные географические сведения. Данный вывод имеет очень большое значение в контексте рассматриваемых нами далее двух других важнейших картографических источников.

В XVIII веке в научный (изначально, конечно, военный) оборот войдут два других важнейших произведения картографической науки и искусства, содержащие детальные сведения по географии Северо-Западного Причерноморья и Молдавии – карты Дмитрия Кантемира и Рицци Заннони.

Карта Д. Кантемира давно привлекла внимание молдавистов в силу непосредственного отношения к молдавской историографии, будучи созданной как приложение к его знаменитой книге «Описание Молдавии» (1716 г.). Личность Кантемира и его вклад в историю и науку детально изучены, начиная уже с XVIII в., имеется обширная литература,

в том числе специальная непосредственно по карте (Válsán 1926; Alexandrescu 2011). Выявлено несколько экземпляров карты, хранящихся в библиотеках и фондах западноевропейских городов – в Париже, Берлине, Дрездене, Лондоне, Гарварде, Дублине.

Первая была найдена Г. Вылсаном в 1924 г. в Париже, была частью коллекции Г.Ю. Клапрота, включена в фонды Национальной библиотеки Франции в 1832 г. под нумерационным обозначением «Kl. 953». Исходные данные карты затёрты. В 1927 г. П.П. Панаитеску был изучен другой вариант карты Кантемира из этой же библиотеки, выполненный одним из крупнейших французских географов и картографов Ж.Б.Б. де Анвилем («Moldaviae principatus delineante principe Demetrio Cantemirio», d'Anville) в период между 1738-44 гг. Третий экземпляр, схожий с первым, но уже с сохранившимся текстом в картуше, выявлен в 1935 г. в коллекции Британского музея («Principatus Moldaviae nova & accurata Descriptio. Delineante Demetrio Cantemirio, A Amsterdam, Chez François Changuion, 1737»), по которому стало известно, что он был опубликован Ф. Шангеном в Амстердаме в 1737 г. и ныне находится в фондах Британской библиотеки (The British Library Board. Maps K.Top.113.64). Четвёртый экземпляр карты, также происходящий из Нидерландов XVIII в., находившийся в коллекции Г.Х. Фагеля, а затем приобретённый Дублинским Колледжем Св. Троицы, введён в научный оборот Е.Д. Таппе в парижском издании 1957 г. Пятый экземпляр, недавно обнаруженный М.О. Шандором также в фондах Национальной библиотеки Франции и изученный и В. Александреску, был передан графом Ф. Томсом в Королевскую библиотеку (ныне НБФ) ещё в 1744 г. Шестой экземпляр, также изданный в Амстердаме, хранится в Берлинской государственной библиотеке (Kart. 20835 R.), получивший его в 1985 г. от частного владельца. Седьмой экземпляр, также относящийся к амстердамской серии, хранится в Саксонской земельной библиотеке в Дрездене (Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek Dresden, Kartensammlung Inv.-Nr. A18623), детально изучен и воспроизводится в статье В. Александреску (2011). Единственный раскрашенный вариант (восьмой) из коллекции профессора Эбелинга из Гамбурга был впоследствии выкуплен и передан Библиотеке Гарвардского университета (Harvard College Library).

Ещё одна важнейшая коллекция картографических произведений – карты и атласы выдающегося итальянского учёного Джованни Антонио Рицци-Заннони (1736-1814), о личности и заслугах которого стоит остановиться подробнее. В 1749-51 гг. Заннони был учеником профессора астрономии Джованни Полени в Падуанском уни-

Рис. 4. Фрагмент карты «Principatus Moldaviae nova & accurata descriptio. Delineante Principe Demetrio Cantemirio». 1737 (Коллекция Библиотеки Гарварда).

верситете. После поездки по Италии, Заннони посетил Турцию и Россию. В 1753 г. его пригласил польский король Август III, при дворе которого Заннони начал свою карьеру картографа. В 1756 г. он переехал в Швецию и Данию, где в том же году ему было поручено провести геодезические измерения датских владений – графства Ольденбург и Дельменхорст (в настоящее время – территория Германии). В 1757 г. отправился в Германию, затем на службу в Пруссию. Во время битвы при Рошбахе (5 декабря 1757 г.) был взят в плен французами и отправлен в Париж, где он прожил и проработал более двадцати лет. Там же Заннони встретился с секретарем посольства Неаполитанского королевства Фердинандо Галиани. В результате, на основе лучших источников того времени он создал карту Неаполитанского королевства, после чего в Париже получил должность инженера гидрографа, на которой работал в 1772-74 гг. В 1776 г. Заннони вернулся в Италию, в Падую. Здесь он продолжил активную деятельность, главным итогом которой стало издание знаменитого невероятно подробно «Географического атласа Королевства Неаполя» на 32 больших листах (завершён в 1812 г.).

При жизни Заннони было издано несколько его книг, атласов и карт, среди которых: «Kurze Vorstellung der gegenwärtigen Kriegs-Begebenheiten in Deutschland» (1758); «Atlas historique de la France ancienne et moderne contenant tous les lieux illustrés par les évènements les plus mémorables de notre histoire...» (1766); «Carte de la partie septentrionale de l'Empire Ottoman» (1774); «Atlas géographique contenant la mappemonde et les quatre parties: avec les différents Etats d'Europe» (1782, здесь Молдавия указана между Днестром и Бугом) и др. В научных кругах Европы вклад Рицци Заннони оценён уже его современниками: А.Ф. Бюшинг в своей книге упоминает о некоторых его картах (Büsching 1774). Первые подробные сведения о его жизни и деятельности принадлежат Альдо Блессиху в публикации в конце XIX в. (Blessich 1898, Giovanni... 2015).

Наибольший интерес для нас представляют три известные на сегодня карты Заннони, на которой изображена Молдавия, а также значительная часть Северо-Западного Причерноморья. Первая – «Карта границ Польши от конца Карпат в Трансильвании до территории Татар-

Рис. 5. Фрагмент карты «Carte des Frontières de Pologne depuis la fin des Karpaks en Transylvanie jusques au Territoire des Tatares-Bessarabes contenant la Moldavie Septentrionale le Desert des Tatares Lipkes et le cours du Dniester depuis Koczym jusques a Bender» («Заннони-1772»).

Бессарабов, содержащая Северную Молдавию, пустыню Татаров Липков и течение Днестра от Хотина до Бендер» («Carte des Frontières de Pologne depuis la fin des Karpaks en Transylvanie jusques au Territoire des Tatares-Bessarabes contenant la Moldavie Septentrionale le Désert des Tatares Lipkes et le cours du Dniester depuis Koczum jusques a Bender» с параллельными переводами на польский и турецкий) является частью колоссального атласа из 24 листов, специально подготовленного и подаренного 25 января 1772 г. принцу Яблоновскому («Carte de la Pologne divisée par provinces et palatinats et subdivisée par districts. Construite d'après quantité d'arpentages, d'observations et de mesures prises sur les lieux. Dédiée à son Altesse le Prince Prusse Vindes Joseph Alexandre Jablonowski palatin de Nowogrod». J.A.B. Rizzi Zannoni. Paris 1772.). Для краткости будем называть её картой «Заннони-1772» (рис. 5). Вторая – «Карта северной части Оттоманской империи, посвящённая монсеньору графу де Вергену» («Carte de la partie septentrionale de l'Empire Ottoman dédiée à Monseigneur le comte de Vergennes». Rizzi Zannoni. 1774) – «Заннони-1774» (рис. 7). Третья – «Княжества Молдавия и Валахия» («Principati di Moldavia, e Vallachia Trattati dale Carte dell' Impero Ottomano» del Sigr. Rizzi Zanoni. Venezia 1782 Presso Antonio Zatta Con Privilegio dell' Eccmo Senato) – «Заннони-1782» (рис. 8).

Карты Д. Кантемира и Р. Заннони отличаются феноменальной подробностью в сравнении с предшественниками и современниками. Нет сомнений, что оба учёных пользовались богатыми картографическими материалами Османской империи, переживавшей расцвет в XV-XVII вв. Молдавия была включена в состав Османской империи в первой половине XVI в. Турецкие картографические источники пока слабо исследованы учёными, а те, что охватывают территории Северо-Западного Причерноморья, не исследованы совсем. Однако анализ карт Д. Кантемира и Р. Заннони показывает, что созданные ими произведения опираются на материалы, накопленные в период середины XVI – второй половины XVII вв. и отражают географическую картину соответствующего времени.

Карта «Заннони-1772» несомненно составлена на основе картографических материалов Османской империи, полученных, по всей видимости, во время его путешествия в Турцию в начале 1750-х гг. В предисловии к изданию 1772 г. Р. Заннони прямо признаётся, что представленная Й.А. Яблоновскому работа является результатом двадцатилетнего труда. Безусловно, материалы, накопленные картографом с середины XVIII в. подвергались переработке, генерализации и до-

Рис. 6. Фрагмент «Карты Молдави и Валахи по подлиннымъ Квартирмейстерскимъ Чертежамъ и по наблюдениямъ Астрономическимъ в оныхъ странахъ учиненнымъ. Составлена Акад. Наук Адіюнктомъ Я.Ф. Шмидтомъ 1774».

полнениям. В ряде мест, где в 1750-70-х гг. произошли военные действия и сооружены новые фортификации, обновления и дополнения акцентированы и прямо отмечаются автором.

Вместе с тем, картографическая основа этой карты опирается на существенно более древнюю географическую картину, что понятно, так как сам колоссальный объём помещённой на карту информации не мог быть собран ни отдельным исследователем самостоятельно, ни тем более за столь короткий срок пребывания в рамках путешествия в Турцию в 1751 г. Зато в Константинополе молодой итальянский картограф как раз имел возможность раздобыть какие-то карты, конечно, не новейшие и самые точные (а значит, совершенно секретные и доступные только султану и визирю), а скорее всего старые, потерявшие к середине XVIII в. для османов актуальность. Поэтому карта «Заннони-1772» выглядит так архаично, гораздо больше напоминая топографические планы и карты Боплана первой трети XVII в.

Кроме приведённых разъяснений имеется также ряд других прямых и косвенных доказательств её существенной древности. Наряду с турецкими дублированиями топонимов (арабской вязью), архаичными стилистикой и картографическими приёмами, ещё одним из подтверждений старины древнейшей карты выступает «Карта Молдавии французского королевского географа Ружа», созданная в 1769-70 гг. (издана в 1770 г. в Париже) на основе карты Кантемира и карты Заннони; аннотация содержит прямые ссылки на эти источники. Судя по содержанию карты Ружа, речь идёт о ка-

Рис. 7. Фрагмент карты «Заннони-1774».

ком-то более раннем издании, аналогичном карте «Заннони-1772», но пока не обнаруженном исследователями. На данный момент это, по сути, *древнейшая обнаруженная топографическая карта Молдавии*, отражающая географическую картину не позднее *первой половины XVI – второй половины XVII вв.*

Новая эпоха в картографии Северо-Западного Причерноморья наступает в 1770 г. в результате значительных побед русской войск на турецком фронте и активной деятельности военных картографов екатерининского времени. Значительно увеличивается как наполненность содержания, так и точность размещения географических объектов (рис. 6.).

Одновременно выходит и вторая карта Заннони (Заннони-1774), более современная, в не-

Рис. 8. Фрагмент карты «Заннони-1782».

которых аспектах – детализированная, в других – наоборот, генерализованная, охватывающая северную часть Османской империи, в том числе всё Молдавское княжество и соседние территории. Она уже не столько топографическая, сколько обзорная, хотя и довольно крупномасштабная. Она создана в другой проекции, на основе уже других источников, с добавлениями информации из этой, но уже совсем на более высоком геодезическом уровне. Совершенно очевидно, что к нему попали какие-то карты русских военных картографов 1770 г. и он сумел соединить и сделать совсем другую карту.

Кишинёв здесь так же, как и на первой карте (Заннони-1772) отображён укреплённым пунктом. Кишиневская и Лапушнянская крепости тут немного отличаются – не обозначены замки, зато Каприяна наоборот укреплена. Объяснений этому может быть два: первое (что более вероятно) – это следствие генерализации, необходимой при составлении карт меньшего масштаба, нежели исходник, поэтому значки вторят топографической точности, но чуть упрощены из-за не такой важности. Составитель должен был передать суть явления – наличие крепости, и масштаб позволял немного приблизить изображение к реальности. Второе – действительно в ходе войн начала-середины XVIII в. произошли изменения фортификаций, зафиксированные на картах-источниках Заннони, которые в сравнении с первой (Заннони-1772) видим и мы: в первую очередь разрушены замки, крепостные ограды городов на месте.

Ещё более генерализована *третья карта* – Заннони-1782 (рис. 8), отличная от обеих предыдущих так же в первую очередь масштабом. Это пример так называемых среднемасштабных карт. На них можно отразить достаточно много подробностей, но совсем нет места точным топографическим деталям. Поэтому географические объекты, не отображаемые в масштабе, обозначаются символами. Обычные населенные пункты – простыми пунсонами, крепости – пунсонами «с контрфорсами». Поэтому все крепости, независимо от их мощности обозначены одинаково (Бендеры, Кишинёв, Лапушна, Оргеев). Обозначенные на карте Заннони-1782 городские укрепления Кишинёва, видимо, сохранялись до конца XVIII в., когда во время русско-турецкой войны 1787–91 гг. город был сожжён турецкими войсками (в 1788 г.).

В этот же период и позднее появляются широкоизвестные и недавно введённые в научный оборот планы города и подробные топографические и общегеографические карты Кишинёва и его окрестностей (1789, 1800, 1817 гг. и др.).

Исторические и картографические источники конца XIV – начала XVIII вв.

Старинные грамоты, предписания, межевые свидетельства и другие документы эпохи сообщают многочисленные сведения и детали о Кишинёве, а также окрестных с ним вотчинах – Буюканы, Вистерничены, Гецеоаны, Хруска и др. Большинство документов известно давно, периодически обсуждаются специалистами, но содержащаяся в них историко-географическая информация до сих пор так и не систематизирована в полной мере.

Кишинёв возник не позднее *сер. XIV в.* как татарское поселение с укреплением при броде через р. Бык. С 1390-х гг. в составе Молдавского княжества (Белых, Герцен, Павлинов 2009, 2016). Впервые упоминается в *перв. пол. XV в.* как *Акбашев Кешенев* в грамоте молдавских господарей Ильи I и Стефана II от 17 июля 1436 г. о сёлах, пожалованных логофету Ванче. Сведения грамоты представляют чрезвычайно важный и достаточно детальный источник о наиболее ранней топографии Кишинёва: «...панъ Ванча логофеть [...] и дали есмы ему [...] села на Ревтѣ [...] и на Иткилѣ, между Кротолчи, пониже где Камень стоит, повыше Оцелово мѣсто, и близъ Быку, по той сторонѣ, на долину што падаетъ(ь) противъ(ь) Акбашева Кешенева, оу Кръници, где естъ(ь) Татарская Селища, противъ(ь) лѣска. Тое все що бы ему оурикъ(ь), съ всѣмъ доходомъ [...] А хотаръ тѣмъ селомъ да будетъ(ь) по старому хотару, куда оживають из вѣка. А пустынямъ хотаръ, колко оузмогутъ оживати тая села, що осадитъ(ь), досыт(ь) [...]» / *Грамота Ильи воеводы и Стефаня воеводы, господарей Земли Молдавской. Веслуй, 17 июля 6944 (1436) года.* (DRH..., 1975, № 158). Таким образом, понятно, что в обозначенной местности имеются населённые пункты, с из века установленными границами (хотарами) и приносящие доход. Следующее письменное упоминание сохранилось в молдавском переводе первой половины XVIII в.: «6974 <1466> [...] Vlaicul [...] i-am dat și i-am întărit lui pre <o siliști> la Chișinău, la Fîntîna Albișoara, ce ș-au cumpărat de la Toader, ficiorul lui Fedor, și de la fratele lui, de la [...], și de la Fedorel, drept 120 arginți tătărești. Deci <i-am dăruit acea si>liști mai sus-numită, la Chișinău, la Fîntîna Albișoara, ca să-i fie dumisale și de la noi driaptă ocină și moșie, cu moară și cu tot venitul [...] Stefan vod(ă) [...] Alexandru voivoda [...]» / *Грамота Стефана Великого от 1466 г.* (DRH..., 1976, № 131). То есть, Стефан Великий вместе с сыном Александром и великими боярами подтверждают покупку своим дядей великим боярином Влаикулом селища у *Кишинёва*, у *Фонтана* (Крыницы, Колодезя) *Албишоара* у сыновей Федора (из троих известны имена Тоадера и Федорела) за 120

татарских серебряника с вотчиной и мошией (хотаром, владением), мельницей и всем доходом. Сопоставление двух грамот XV в. дают однозначное представление о высокой ценности и развитости местности, а также о устойчивой топографической и топонимической модели «*против(ь) Акбашева Кешенева, оу Кръници*» («*la Chișinău, la Fîntîna Albișoara*»). Молдавизированная форма *Албишоара*, несомненно, восходит к изначальному татарскому имени *Акбаш/Албаш*. Но важнейшие (в первую очередь для самих собственников) топографические сведения – ориентиры – при всей своей однозначности в пределах сформированной модели динамичны: в грамоте 1436 г. *Акбашев Кешенев*, а в грамоте 1466 г. – *Фынтына Албишоара* (в оригинале, по всей видимости, *Кръница Албишоара < Акбашева Кръница*). Это говорит с одной стороны о том, что и Кишинёв, и Крыница, и селище (село, сёла, селища) с вотчинами и владениями при них в своё принадлежали Акбашу, а с другой стороны об архаичности топонимического компонента, что подтверждается и самими грамотами («по старому хотару, куда оживають из вѣка», до Влаикула владельца – Тоадер с братьями, а до того, видимо, ещё с первой половины XV в. – их отец Федор). Фиксация изначальной принадлежности и единства вотчин в округе Кишинёва чрезвычайно важно для понимания его последующей эволюции, насыщенной историко-географическими коллизиями, многочисленными территориальными и хозяйственными конфликтами вплоть до начала XIX в. и до сих пор не ясной даже специалистам, несмотря на более чем столетнюю и многотомную историографию вопроса. В частности, поскольку текст грамот весьма краток и сложен для современного географического восприятия, позволяя по-разному интерпретировать взаиморасположение пространственных ориентиров для соответствующих объектов, историки, например, локализовали *Татарскую Селищу* то на правом (Халиппа... 1907, 392-394), то на левом берегу Быка (Руссев 1995, 52-57), и даже дальше к востоку от него (Сіосану 2017, 27).

Оцелово место, упоминаемое в грамоте 1436 г., одни учёные с ассоциируют частью современного села Покшешты к северо-западу от Кишинёва (DRH... 1975; DRH... 1980; Nicolaev, Tabuncic 2007), другие – с вотчиной будущих *Вистерничен* (Сіосану 2017) – северная часть старого города на левом берегу Быка. Видимо, левобережье Быка и правобережье Икеля ранее принадлежало некому Оцелу (вероятно, предку упоминаемых в первой половине XV в. Михаила и Драгомира Оцелов).

К этому же времени относится упоминание о ближайшей к Кишинёву вотчине – *Буюканам*: «...урик что имал дѣди их Ходор и Пъраска от Ста-

раго Стефана воевод на село Букани что на рѣкѣ на Бѣцѣ. И съ мѣст за став и за млин у Бѣку...» / *Грамота Господаря Константина Могилы отъ 20-го августа 7116 (1608) года, с молдавскимъ переводомъ 1741 года, января 15-го.* (Труды... 1902, 231-232). Весьма важны топографические детали, позволяющие определить местоположение села *Букани* в XV – начале XVII вв.: находятся на реке Бык, с озером (прудом) и мельницей на нём. С одной стороны, условия совпадают с описанием собственно Кишинёва, – уже тогда Буюканы образуют с ним единое целое, а с другой стороны, несомненно определённым образом выделяются. Локализовать древние Буюканы с учётом таких географических условий можно только в районе Благовещенской церкви.

Фиксация именно таких географических реалий подтверждается в грамоте господаря Молдавии Стефана IV (1517- 27) от 12 февраля 7033 (1525) г., хранившейся в Каприянском монастыре, и упоминаемой в предписании господаря Константина Ипсиланти боярам Манолакию Доничу и Иоанну Тэуту от 18 июля 1800 г., описывающую границы верхней части села Вистерничен и производящей информацию более древних грамот, описывавших владения логофета Ванчи на левобережье Быка: «...чея парте де Бѣк ындрептул Лазулуи Албашулуи ла Фънтъна че Маре ши ку хелешу ши ку моарь ын Бѣк, де ла дял съ фие дупь векюл хотар, яр дела вале съ фие ын нчепънд дела езьтура хелешулуи Кишинълуи тот пе хотарул Шерпеи постелникул пън ла вѣрфул дѣлулуи чеи пе Тохатин...» / *Предписание Господаря Константина Александр(овича) Ипсиланти отъ 18 Июля 1800 года.* (Труды... 1900, 184-188). О том же свидетельствуют изыскания Манолакия Донича и Иоанна Тэутула, которые в соответствии с предписанием господаря досконально изучили многочисленные документы, представленные владельцами вотчин в округе Кишинёва, провели топографические исследования, составили межевое свидетельство и карту / *Межевое свидѣтельство Спатаря Манолакія Донича и Слуджера Теутула отъ 18 Июля 1800 года.* (Труды... 1900, 188-212). Учёные аристократы чётко определяют, что верхняя часть Вистерничен не соприкасается с вотчиной Пятницкого монастыря (Кишинёвом XVIII в.), в то время как древнейшее из озёр (ставов, запруд, молд. *хелештеу*) – верхнее, именуется Кишинёвским, хотя расположено между вотчинами Боюкан и Вистерничен. Запутанность историко-географических коллизий Кишинёва и приведёт впоследствии к неоднократным спорам и тяжбам между его многочисленными владельцами. Неясность сохраняется и среди исследователей вопроса в научных кругах до настоящего времени в течение долгих

десятилетий, начиная от И.Н. Халиппы, который понимал, что под Кишинёвом стоит видеть какую-то архитектурную доминанту – «усадьбу» в его дополнениях. Поэтому последующие разработки вопроса наткнулись на замкнутый круг с этимологией топонима *Кишинэу* от якобы устаревшего (уже чуть не в средние века) молдавского/румынского *источник*, либо усадьба/монастырь/мавзолей, неизбежно ассоциируя с чем-то, стоявшим на Мазаракиевской горе на месте церкви. Однако, великий И.Н. Халиппа, интуитивно ощущая, что этимология топонима *Кишинёв* должна восходить к какой-то фортификации (что, несомненно, верно!), аккуратно используя вариант «усадьба», ошибочно добавляет его в перевод к фрагменту «ындрептул Лазулуи Албашулуи ла Фънтъна че Маре». *Лазул Албашулуи* в грамоте 1525 г. – это вторая часть той самой топографической и топонимической модели «*против(ь) Акбашева Кешенева, оу Крѣници*» («*la Chişinău, la Fintina Albişoara*») – не *Акбашев Кешенев* 1436 г., а *Fintina Albişoara* 1466 г. Это именно заводь Быка у подножия Мазаракиевской горы, из-под которой и бѣёт *Великая Крыница* (знаменитый *Кишинёвский Фонтан*). Но кто же тогда *Акбашев Кешенев* 1436 г.? Понять это можно лишь перечитав грамоты 1436 и 1525 гг. и осознав, что граница верхней и нижней частей Вистерничен проходит в районе старой кишинёвской почты, а долина, «што падает(ь) против(ь)» него – не Гульбочихи, действительно впадающей в Бык напротив Мазаракиевской горы, а Гусева балка, впадающая в Кишинёвское озеро (Хелештеул Кишинэулуи), образуя остров, с возвышающейся над ними природной доминантой – старой Замковой горой (в XIX в. – Инзовой, в XX в. – Пушкина горка), на которой без сомнений не позднее XIII–XIV вв. должен был появиться замок, контролировавший броды через Бык на одной крупнейшей в регионе дорог (будущей Большой улице), соединявшей крупнейшие татарские города Шехр-ал-Джедид (Старый Орхей) на Реуте и Гырлы (Костешты) на Ботне.

Единство Кишинёва и одновременно его внутреннее деление на микрорайоны (вотчины) с самых древних времён найдёт своё отражение на всей историко-географической эволюции местности в течение всего последующего времени.

Во *второй половине XV–XVI вв.* в течение 90 лет село *Кишинэул-на-Быку* с мельницами на реке, приносящее регулярный доход, остаётся во владении Влаикула и его потомков: сына Еримии (в монашестве – Евлогий), внука Марики (Мариики), правнучки Васутки. В 1576 г. Васутка продала *Кишинёв* Дръгушу (бывшему уряднику в Яссах) за 500 татарских золотых: «...Васутка дочка Марики. Внука Еримии бившіи вистѣрник щосѣ именовал

по мнишескїи чин Евлогїе. Прѣуночата Влаикула [...] продала свою правою отнину и дѣднину едно село на имѣ Кишинеул на Бѣку у волост Лапушною и сѣ млини у Бѣку испривилїе напотвержденїе: що имал прѣдѣда еи Влаикул. От старого Стефана Воевод. Та продала служѣ нашему Дрѣгуш бившїи урядник у Ясох. За петсот злт татарских [...] исѣ вѣсем доходом...» / *Грамота Господаря Молдавско-го Петра Воеводы отъ 25 Апреля 7084 (1576) года, с молдавским переводом 1739 года.* (Труды... 1900, 171–172).

К началу XVI в. относится известие о селе *Хруска*, которое было соседней с Кишинѣвом вотчиной, с южной стороны, ниже по течению реки Бык, на берегу его правого притока – речки, давшей селу название.

В *конце XVI – начале XVII вв.* на протяжении 41 года вотчиной *Кишинѣв* владеют Дрѣгуш и его родственники: жена (княгиня) Саломия, сыновья Крстя и Василие, внуки Никола, Ионашко, Ангелина.

Документом 1608 г., упоминающим о грамоте Стефана Великого (Старого) Ходору и Параске на владение *Буканами*, подтверждаются права на него их наследников: «...Глигорїе снѣ Мирон и племеник ег Тимотиї снѣ їои Заичю и Каисии снѣ Чюмеш. И Сава снѣ Крсти. И Стратии. Уси онуци. Ходору. Итиж племеник их Тоадер снѣ Тудораи и брат ег Молдован онуци Пърасци [...] и Мы такожде и от нас дали и потврѣдили есми. Тим вѣсѣм выписаным людем тое виречное село на имѣ Буканий [...] и отнину и сѣ вѣсем доходом...» / *Грамота Господаря Константина Могилы отъ 20-го августа 7116 (1608) года, с молдавскимъ переводомъ 1741 года, января 15-го.* (Труды... 1902, 231–232). В следующем 1609 г. тот же господарь подтверждает продажу части *Букан* потомками Ходора и Параски за 150 талеров великому постельнику Кирице Думитраки: «...Глигорїе сну Мирон и племеники ему Тимотиї сну їои Заичю и Каисии сну Чумеш и Сава сну Крстеи и Стратии. Уси внуки Ходор. И тиж племеники их Тоадер сну Тудораи и брат ег Молдован онуци Пъраскѣй [...] и продали их правою отнину и дѣднину от и список засвѣдствство. Что они имали от самог гспдвми на вѣсѣ част им что сѣ им изберет от село от Буканїи. У волост Лапушною на Бѣкѣ. И сѣ мѣ за став. И за млену. Та продали [...] Кирица Думитраки великому постельник. За една сто и петдесѣт талер [...] А ми и от нас пакиж дали. И потврѣдили [...] та вишписана част за отнину от село от Буканїи. Что сѣ изберет част их [...] и отнину сѣ вѣсѣм доходом...» / *Грамота Господаря Константина Могилы отъ 5-го октября 7117 (1609) года с молдавскимъ переводомъ 7249 (1741) года.* (Труды... 1902, 232–233). То, что была продана только часть села – очень важный

аспект, на который ранее исследователи внимания не обращали, однако способный прояснить последующие территориальные изменения в округе. Уточняются детали в следующей грамоте от 1611 г.: «...Вѣсїян вистерниче и брат ег Сава снѣ Крецул внуци Илѣни и тиж племеников им ии Вѣсїян пѣхърниче и брат его Ионашко пѣх снѣ Крѣхана внуци Петри Крѣхан [...] и продали их правою отнину и дѣднину от испривилїе закупежно что имали прѣдѣдове их от Старог Стефана воевод и от потвержденїе от Іоан Деспота воевод от вѣсего села Буканїи что раздѣлит на шест част двѣ части продали что на Бѣк и сѣ мѣсто за став и за млини у Быка что у волост Лапушнои та прѣдали [...] Думитраки Кирици Палеолог великому постельник за [...] талер сребных и утомтиж прїидошѣ пред нами Андроник Рошка снѣ Дрѣгулуши внуц Насти Букоеае. И племеник ими Илѣ сѣ брат его снѣ Софїики внуци другїи Насти сестри Билан [...] и продали их правою отнину и дѣднину из тих нарѣдеїе вишписаных от тог села Буканїи чтос раздѣлит на шест части пакиж двѣ части та продали тиж [...] Думитраки Кирици вел постельник за [...] тал[...] и отнину ипотвержденїе сѣ вес доход...» / *Грамота Господаря Константина Могилы отъ 18 декабря 7119 (1611) года с молдавскимъ переводомъ 1741 года.* (Труды... 1902, 233–234). Как видим, *Буканїи*, находившиеся до того в княжеском домене, ещё при Стефане Великом разделены на две части – первая Ходора и Параски и их потомков, вторая, в свою очередь поделѣнная на шесть частей – Илѣны, Петри Крѣхана, Насти Букоеае, Насти Билан и их потомков. Великий постельник Думитракий Кирица Палеолог стремится выкупить все части, однако удаётся ему собрать только половину вотчины потомков Ходора и Параски и четыре части от второй половины. Доли, хоть и меньшие остаются у всех потомков владельцев XV в. Это свидетельствует о значительной привлекательности и, видимо, особой важности этой местности издавна. В конечном итоге вдова Думитракия дарует в 1620 г. *Буканїи* Воскресенскому монастырю в Иерусалиме и, соответственно, управляющему его владениями в Молдавии – ясскому Вознесенскому монастырю, также известному как Галата, Галатия (основан в 1577 г., в 1617 г. передан иерусалимской патриархии), что подтверждено также господарскими грамотами (*Дарственная запись постельничессы Марїи Кирицы отъ 28 апрѣля 7128 (1620) года.* (Труды... 1902, 234–235); *Сербская грамота Господаря Гашпара Воеводы отъ 4 мая 7128 (1620) года с молдавскимъ переводомъ 1795 года.* (Труды... 1902, 235–236); *Сербская грамота Господаря Александра Илїеша Воеводы отъ 5-го апрѣля 7129 (1621) года, с молдавскимъ переводомъ 1795 года.* (Труды... 1902, 236–237)).

В 1617 г. наследники Дръгуша продали *Кишинёв* великому вистернику Константину за 180 червонных золотых: «...Саломія кнѣгинѣ Дръгушу бывшему дворнику купно съ снми своими, Крстѣ и Василіе. Исъ внучатове их. Никола. И Ионашко. И Ангелина, дѣти Штефану Дръгушу [...] продали правое отнину и викупленіе, от правіи своих нарѣжденіи. Едно село наймѣ Кишинеул на Бьку въ волост Лапушнои сѣмѣстове замліи въ тожеродѣ. От исписок сакупежство от уеу гсдвмы от Петра Воевода. Что был купил ег Дръгуш дворник, от Васутка дочка Мариики внука Ереміи вистѣрника прѣвнучата Влаикуду от урик запотврѣженіе от старег Стефана воевода. Тот убо село продали, нашему, вѣрному болѣрину Константину велкому вистѣрнику за сто и осмьдесѣт уг червони златних [...] сѣвѣсѣми хотарами его ис доходами...» / *Грамота Господаря Радула Воеводы отъ 29-го Ноября 7125 (1617) года с Молдавскимъ переводомъ 1739 года, апреля 25.* (Труды... 1900, 172–174). Однако владельцем великий вистерник Константин, по-видимому, остаётся недолго. В 1618 и 1627 гг. правители Молдавии останавливались на некоторое время в Кишинёве: здесь был расположен военный лагерь и отсюда были отправлены письма. Это приводит к выводу что, очевидно, имущество Константина перешло в казну и Кишинёв стал частью княжеского домена. Только так можно объяснить почему господарь Василий Лупу наградил в 1641 г. яские монастыри Святой Параскевы (известен как *Сфынта Винерь – Святая Пятница*, основан на рубеже XVI и XVII вв., в 1610 г. передан в подчинение Синайскому монастырю) и Святых Архангелов Михаила и Гавриила (известен как *Фрумоаса*, а также *Балика* – по имени гетмана Мелентия Балики, основавшего его в 1583 г. и подаренного Синайскому монастырю) грамотой, которая давала право требовать от жителей *Кишинёва* десятую часть от выращенного урожая: «...монахамъ изъ св. монастыря Святой Пятницы и монастыря Баликый, дабы они по ней имели право и власть взимать десятину со всего хлѣба и сѣна и со всякихъ овощей и съ льна и конопли и со всѣхъ приходовъ съ села Кишинева, кто бы ни вспахалъ там в предѣлахъ того села монастырского – каларашъ-ли (куррьеръ, козакъ) или кто-бы ни былъ, со всѣхъ взимали бы десятину и если бы кто изъ вечиновъ (крѣпостныхъ) тамошнихъ вспахалъ инуду, въ иной межѣ, имѣли бы взимать десятину и оттуда, также и в борчещахъ, в поселкѣ монастырскомъ, если кто вспашетъ на вотчине монастырской – каларашъ-ли, дворовый-ли человекъ (куртянь) царанинь-ли (поселянинъ), или кто бы то ни былъ, – со всѣхъ взимали бы десятину...» / *Грамота Господаря Василия Воеводы отъ 4-го Августа 7149 (1641) года.* (на молдавском

языке, перевод И.Н. Халиппы; *Труды...* 1900, 174–175). Благодаря этой грамоте узнаём чрезвычайно важные подробности о Кишинёве, представляющим экономически развитым (здесь производят хлеб, сено, овощи, лён, коноплю, значимый доход, с которого собирается десятина), имеется отдельный монастырский посёлок (разумеется, с одной или несколькими церквями, прицерковными сооружениями и землёй), проживает разноклассовое население (монахи, дворяне, военные, свободные и крепостные крестьяне).

К тому же времени (перв. половина XVII в.) относится и распоряжение господаря лапушнянским паркалабам (военно-административным комендантам) произвести межевание Кишинёва и окрестных сёл на местности и с составлением документа: «Мы Василій Воевода Божіею милостію господарь земли молдавской. Пишетъ мое господарство слугамъ нашимъ паркалабамъ Лапушны, извѣщая васъ, чтобы увидѣвъ грамоту моего господарства, вы пошли в село Кишиневъ и собрали людей добрыхъ и старыхъ и сосѣдей въ окружности и, сообразивъ какъ сѣумѣете вѣрнѣе, по душѣ (совѣсти), отдѣлили между вотчины села Кишинева со стороны другихъ уделовъ и установили межевые знаки – тому, что принадлежитъ святому монастырю Святой Пятницы. И какъ найдете болѣе справедливымъ, запишите на бумагѣ и извѣстите насъ...» / *Предписание Господаря Василия Воеводы отъ 28-го Августа 7150 (1642) года.* (на молдавском языке, перевод И.Н. Халиппы, Труды... 1900, 175). И такой документ был составлен: «...къ нам прибыли монахи изъ Св. пятницы [...], чтобы мы обсудили мѣсто Кишинева со стороны Хруски. и мы собрали много людей добрыхъ и старыхъ и сосѣдей, и разобрали имъ мѣсто отъ логовища быка до (мѣста), соединяется с мѣстомъ Спиноасы по течению воды, а горою до мѣста Буканъ и установили столбы и исправили (межу), где того пожелали (жители с.) Тѣистреци и Драгошъ паркалабъ и гдѣ показали по совѣсти и старые люди, знавшіе мѣсто и старые знаки, а именно: священникъ Антон из Буканъ и стрик Скорничель, и Лазарь изъ Трушень, и Згъръ, бывшій паркалабъ, и Павелъ изъ Мънчешть, и Кирила здѣшний, и тсрый Мустяца, и Остахій тамошній, и Сапко изъ Гецьоанъ и много людей и стариковъ. Монахи желали измерить веревкою, но (жители с.) Тѣистрець упросили ихъ не мѣрять, ради нѣкоторыхъ вспаханныхъ ими полосъ [...] Въ Кишиневѣ [...] Фотій и Дръгушъ, паркалабы Лопушны.» / *Межевое свидѣтельство Лопушнянскихъ паркалабовъ* (На молдавском языке, перевод И.Н. Халиппы, Труды... 1900, 176). Следует согласиться с И.Н. Халиппой, что свидѣтельство составлено в том же году, «хотя даты въ оригинале нѣтъ». Очевидно,

межевание проводилось осенью 1642 г. Детали, сообщаемые в данном межевом свидетельстве, до сих пор не привлекали должного внимания исследователей, вероятно, по причине определённой географической сложности в силу исторической давности, но и по невольной вине самого переводчика, без преувеличения великого молдавского историографа И.Н. Халиппы. Сложные моменты текста, как видим, были непонятны и ему самому уже в конце XIX – начале XX вв. Поэтому потребовалось ввести ряд пояснений, который в некоторой мере могли исказить смысл, вернее не раскрыть его до конца.

Для уточнения нюансов стоит привести оригинал на молдавском языке: «...ау венит кълугърии дила свънта венире [...] Ла нои съсокотим локул Кишьнълуи де кътръ Хруска. Шъ стрынсам мулци амени буни ши бътръни ши меджибш. Ши лѳам алес локул динматка Бъкудуи пънъ унде съдунъ кулокул Спиноасеи ын върсътура аpei ши пре муке пънъ ын локол Буканилор ши ам пус стъл ши ѳам токмит преунде а пофтит. Тъистреши ши Дръгуш пъркълабул ши преундеау аурътат ши оамен бутръни кау шиут локул ши семнеле челе бътнне ку суфлете лор ануме попа Антон ди Букани ши Скорничел бътрън ши Лазор де Трушени ши Згър чеау фос пъркълаб, ши Павел дин Мънчеши ши Кирила деаколе ши Мустеаць чел бътрън ши Остахие деа(ко)ло ши Сапко де Гецьоани ши мулци оамени ши бътръни. Іаръ кълугърии пофтиѳа смъсьуре. Ку фуне. Іаръ Тъистрешии ѳау ругат съну маи мъсьуре пентру нище пъмънтури че ау авут арате... Фоте ши Дръгуш пъркълабии де Лъпушна». Разберём по порядку. Итак, монахи Пятницкого монастыря, получив в 1641 г. во владение Кишинёв, пожелали установить его точные границы, для чего потребовалось согласование на месте со всеми заинтересованными представителями местных жителей, под руководством специально делегированных двух лапушнянских паркалабов – Фотия и Дръгуша. Межевое свидетельство, как государственный юридический документ, констатирует решение спорного вопроса и устанавливает границу вотчины, отмечая ясные и строго зафиксированные топографические характеристики. Граница (место) *Кишинёва* со стороны *Хруски* (село к югу от старого Кишинёва, ныне часть центрального района города) определена от поймы реки Быка до того места, где она (граница) соединяется с границей вотчины (местом) *Спиноасы* (*Скиносы* – село к юго-западу от старого Кишинёва, ныне часть центрального района города по соседству с пригородом *Кодру*) по течению воды. Речь о речке *Хруска* (позднее *Малая Малина* – небольшой правый приток Быка, впадающий в районе центрального железнодорожного вокзала, берущий начало у

водораздела Быка и Ишновца, к северо-востоку от бывшего села *Скиносы* – ныне район Телецентра). Отсюда по горе (по водоразделу) граница *Кишинёва* соединяется с границей (местом) *Букан* – улица В. Александри в районе Армянского кладбища, где был установлен межевой столб и исправлена межа (с *Буканами*) так, как пожелали загадочные *Тъистреши* и их собственный паркалаб Дръгуш. Одним из подтверждающих верность межевания выступает и бывший паркалаб – Згър, а также буюканский священник Антон и другие местные и окрестные уважаемые люди.

Важнейшие историко-географические выводы, которые должны быть сделаны из сообщения документа: в селе (видимо, всё-таки уже местечке/городе) имеется собственный паркалаб – комендант крепости, возглавляющий неких *Теистрешей*, значит, была и сама крепость, в *Буканах* в свою очередь имелся священник, следовательно, имелась и церковь. Другой очень важный вывод – выделение юго-восточной части *Кишинёва* в отдельную от единого целого вотчину произошло именно вследствие межевания 1642 г., фактически установившего раздел «Большого Кишинёва» на две крупные половины – *Буюканы* (*Буканы*) и *Пятницкая сторона* («новый» *Кишинёв*). Несмотря на заложенное не позднее XIV в. и зафиксированное уже в 1436-66 гг. двуединство географического объекта (местности), обозначаемого названием Кишинёв, и фактическую концентрацию застройки в северо-западной (*Буюканской*) части, топоним распространялся на обе стороны. Именно желание настоятелей Пятницкого монастыря выделить собственную вотчину и зафиксировать её территориально приводит к географическому противопоставлению топонимов *Кишинёв* и *Буюканы*. До межевания вотчины были более дробными, а незастроенные земли (воды, леса, луга, поля) находились в общинном пользовании и если и имели деление, то, несомненно, территориально не унифицированное – чересполосицей. Систематизацию вносит акт межевания, инициированный монастырём, у которого не было (и как мы видим, не могло быть) чёткого понимания того, что именно ему передали во владение (какой-то Кишинёв, у которого нет ни границ, ни однозначного значения). Причём акт этого межевания отнюдь не сугубо произвольный, а на основе древнего местного внутреннего деления – той самой топографической и топонимической модели «*против(в) Акбашева Кешенева, оу Кръници*» («*la Chişinău, la Fintina Albişoara*»). Именно тут – от заболоченной впадины у Крыницы (знаменитого Фонтана) вдоль будущих Фонтанной, Рышкановской, Минковской улиц (ныне – Пушкина и Кошбук) в сторону горы (Садовая – Матеевича) будет проложена межа, ко-

торая, впрочем, и сейчас, спустя столетия, остаётся границей Центрального и Буюканского секторов муниципия (внутригородских районов). Граница, показанная наиболее авторитетными представителями местной знати, согласованная всеми заинтересованными лицами, при этом чётко оставит *Акбашев Кешенев (Chişinău), Тъистреци, Буюкани* с наиболее заселённой северо-западной, Буюканской стороны, а с существенно менее застроенной юго-восточной, Пятницкой стороны – *Крънницу (Fintîna Albişoara) с укреплением на крутой горе, с XVIII в. известной как Мазаракиевская, на которой, как показывают недавние археологические исследования (Tentiuc 2015), не позднее середины XVI в. воздвигнута православная церковь. Слабая застройка вотчины монастыря Св. Пятницы будет и недостатком, и преимуществом: ему придётся обживать местность, привлекая потенциальных налогоплательщиков, вместе с тем имея для этого достаточно пространства. Так впоследствии здесь возникнут слободы, а также несколько храмов: Св. Пятницы (очевидно, в середине 1640-х гг.; с XIX в. – Вознесенский собор), Харлампиевская и Георгиевская церкви (не ранее конца XVII–XVIII вв.).*

А кто же такие эти *Тъистреци/Тъистреиты*? И.Н. Халиппа при переводе добавил перед ними, как он предполагал, пропущенное «жители с.». Но по форме упоминания о жителях других сёл подобные обороты «а пофтит. Тъистреци», «Иарь Тъистреции іау ругат» никогда не употребляются и лингвистически недопустимы. По контексту получается, что это какая-то совокупность людей с их собственным паркалабом – главные заинтересованные лица в межевании со стороны *Буюкан*, умудрившиеся распахать часть пахотной земли Кишинёва. Проблему загадочных буюканских *Теистреци* поможет привлечение других свидетельств эпохи.

Важнейший источник *середины XVII в.* о Молдавии – это десяти томная «Книга путешествия» («Сийахет-наме») Эвлии Челеби – колоссальное географическое, историческое, этнографическое, лингвистическое произведение, по обилию материалов и приводимым подробностям о регионах, городах, местностях, описываемых событиях не имеющее себе равных в мусульманском мире и в своей эпохе в целом.

В конце 1650-х – начале 1660-х гг. он принимал участие в походах по Северо-Западному Причерноморью и также скрупулёзно описал свои путешествия. В самом начале 1660-х гг. был произведён и опубликован перевод на русский язык части этих описаний, относящихся к землям Молдавии и Украины. С тех пор в научный оборот вошёл и абзац, интересующий нас и непосредственно имеющий отношение к описанию Кишинёва: «Особеннос-

ти городка Кишинев. И этот городок является боярством, обязанным платить налог. Он находится на берегу реки Днестр и очень благоустроен. Кварталы его очень красивы. Там имеется семнадцать церквей, но монастырей нет. В то же время лавок много. Все дома крыты тростником. Дома населённых пунктов в этой области в большинстве случаев также крыты тростником. Порочные женщины, выйдя из бревенчатых домов, окруженных садами, приходят и усаживаются приезжему человеку на колени» (Челеби 1961; Celebi 1971, 72). Из приведённого ценнейшего источника узнаём, во-первых, то, что Кишинёв впервые упомянут именно как город и весьма благоустроенный, развитый торговый центр. Здесь имеется множество зданий, в том числе храмов, магазинов (лавок). Жители обязаны платить налог боярам, во владении которых состоит город. Опытный путешественник не преминул отметить ещё одну достопримечательность, хоть и подтверждающую разносторонний характер сформированного сектора услуг, предоставляемых в городе, однако, в силу своей специфичности, смущавшую чопорных советских историков, потому избегавших обращать внимание на сообщение автора в целом. И очень напрасно!

Работа Челеби была написана арабской вязью и даже 1930-е гг. большая часть томов (в том числе с описанием Кишинёва) публиковалась так. В целом перевод выполнен достоверно, но вместе с тем, издатели признаются, что «в ходе работы над томом немалые трудности встретились в переводах и расшифровке географических и этнических наименований и имен собственных немусульманских. Подавляющая часть украинских и молдавских географических названий была чрезвычайно искажена арабской графикой, эти искажения были усилены переписчиками и издателями. Все географические названия восстанавливались по синхронным историческим картам, и в переводе, естественно, сохранены старые названия XVII века» (Челеби 1961). Поэтому при выявлении конкретных деталей, сообщаемых Челеби, важно сверить бесценные фразы с текстом по возможности максимально близким к первоисточнику.

Такая возможность появилась благодаря подготовке в начале 2000-х гг. нового верифицированного турецкого издания, в VII томе которого находим интересующий нас абзац: «Der-sıfat-ı eşkâl-i kasaba-i Kişinev: Bu dahi bir mükellef boyarlıktır. Nehr-i Nestorol kenârında gâyet ma'mûr kasabadır kim gûyâ bir şehr-i müzeyyendir. On yedi kenîsesi var, ammâ manastırları yokdur. Lâkin dükkânçeleri çokdur. Ve cümle evleri saz örtülüdür. Ve bu vilâyet fezâları ekseriyâ saz ile mestûrdur. Hattâ bâğ u bâğçelerinde birer haşebden mebnî kasırlarında

фаһишелери гелүп әдемин дизине отурурлар» (Челеби 2003). В первую очередь следует отметить, что по-турецки топоним впервые упомянут в современной форме – *Кишинев*, близкой к встречающейся в наиболее раннем обнаруженном источнике (грамота 1436 г.) *Кешенев*. Во-вторых, признания авторов советского перевода о встреченных трудностях, в особенности в отношении географических названий, важны и актуальны, в частности в отношении названия реки, на берегу которой стоит город – *nehri Nestorol* (не без оснований переданной как *река Днестр*). Конечно, имеется в виду *Бык*. Однако, указание Челеби не случайность и не описка! Современный Днестр ему прекрасно известен, многократно им посещён, но именуется, разумеется, по-турецки – *Turla* (*Турла*; от античного *Tyras* – *Тирас*). На протяжении всего путешествия по центральной части Молдавии от Ясса до Кишинёва, а затем до Бендер через другие упоминаемые им населённые пункты (*karye-i Voboј*, передано в тексте как *село Бербуюз*, конечно, – современные *Бубуечи*, *karye-i Sihara* – *село Сынжера*, и не разгаданные переводчиками *karye-i Loçen* и *karye-i Bonareş* – *села Лучун, Бунареш – Луцены* – старое название *Цынцарен*, и *Ботнарешты*) Челеби осознанно и уверенно называет Бык *nehri Nestorol* (*река Днестр*). Форма передачи гидронима, безусловно, основана на молдавском *Ниструл*.

Рис. 11. Карта «La Russie Noire ou Polonoise qui Comprend les Provinces de la Russie Noire de Volhynie et de Podolie divisées en leurs Palatinats Vulgairement Connües sous le Nom d'Ukraine ou Pays des Cosaques». Srs. Sansons, 1674 г.

Рис. 12. Карта «Descrizione delli Principati della Moldavia, e Valachia». Giacomo Cantelli da Vignola, Gio. Giac. Rossi. Roma, 1686 г.

Рис. 9. Карта «Romaniae, (quae olim Thracia dicta), Vicinarvmque Regionvm, Vti Bvlgariae, Walachiae, Syrfiae, etc. Description». Iacobo Castaldo, 1584 г.

Рис. 10. Карта «Moldaviae, Fintimarvmq, Regionvm Typus», 1595 г.

И перед нами ещё одно замечательное открытие: в середине XVII в. местные жители иногда именовали реку Бык *Ниструлом* (*Днестром*). Теперь понятно, на каком основании на некоторых старинных географических картах этой эпохи обозначен населённый пункт с названием *Tiraz*, *Tiras* (см. рис. 9-12).

Карты XVI-XVII вв. однозначно указывают на расположение города в центре Пруто-Днестровского междуречья, недалеко от соседних крупных достоверно локализованных населённых пунктов – Лапушна (*Lapuzna*, *Lapucane*, *Lapuczna*), Бендеры (*Tekin*, *Tehynie*, *Tigina*, *Tegina*, *Bender*), Яссы и др., а при начертании рек – непосредственно вблизи водотока, несомненно обозначающего реку Бык. Используемые средневековыми картографами символы для обозначения населённого пункта указывают на городской (укреплённый) характер поселения.

Проанализировав приведённые картографические источники, следует обратить внимание на третий важный аспект в свидетельстве Челеби. Фраза «*Nehri Nestorol kenârında gâyet mâ'mûr kasabadır kim gûyâ bir şehr-i müzeyyendir*», разбитая на два предложения и переведённая советскими историками как «*Он находится на берегу реки*

Днестр и очень благоустроен. Кварталы его очень красивы» более точно должна быть переведена так: «*Расположенный на берегу реки Несторол, очень благоустроенный город находится посреди великолепной крепости»*. В предложении используются два различных специфических термина, связанных с обозначением города: *kasaba* (использованный и в предложении ранее – *kasaba-i Kişinev* – для обозначения населённого пункта, застроенной местности) и *şehr* (*şehr-i müzeyyendir* – обозначающий другой аспект значения слова «город» – укрепление, фортификацию). Таким образом, подтверждаются точные топографические характеристики, сохранившиеся на карте Рицци Занони, восходящей к османским первоисточникам и показывающей городские кварталы внутри крепостного сооружения.

Теперь становится ясно и что *Тъистреци*, упоминаемые в межевом свидетельстве 1642 г. – не название ещё одного села. Эту часть грамоты следует прочесть как молдавизированный вариант трёх отдельных слов на славянском (русском) языке: «тъ ис Трещи» от исходного «те из Трещи». Тогда становится ясным и смысл использованных оборотов: «а пофтит. Тъистреци ши Дръгуш пъркълабул» – «пожелали те из Трещи и Дръгуш паркалаб», «Іаръ Тъистреци иау ругат» – «А те из Трещи просили». Отмеченный на картах XVI–XVII вв. (рис. 9-12) топоним со той же основой – *Tiraspo* на значительном расстоянии к югу от Кишинёва идентифицируется не сложно – это село – *Тиращполь*, в 1960-е гг., присоединённое к Чадыр-Лунге – второму по величине городу современной Гагаузии, район центральной части города (Молдавская 1968). Приднестровский Тирасполь на картах МАССР 30-х гг. созданных на местном наречии – *Тиришполя*. Таким образом, переход *Тирас* (*Тираз* или *Тирац*) в *Тиращ*/*Тирац*/*Тириш* естественен для молдавского языка. *Трещ*/*Трещи*/*Трещти* – очевидная редукция первого слога от *Тирещ*/*Търещ*. Вспомним также, что *Буканы* издавна разделены на несколько частей. *Тирас*>*Тиращ*>*Тирещ*>*Търещ*>*Трещ* занимал одну из этих частей (верхнюю – изначальный Кишинёв), административно и топонимически выделившуюся в определённый период, но топографически продолжавшую относиться к буюканской вотчине.

Во *второй половине XVII в.* за Кишинёвом не только официально закрепляется статус города, его административная территория существенно расширяется: господари Еустратие Дабижа (1661-65) и Георге Дука (1665-66) присоединяют к нему соседние вотчины на левом берегу Быка – *Вистерничены* и *Гецеаны* (Труды... 1907, 201-202). Прикрепление соседних вотчин для создания округа,

было обычным приёмом при формировании торгово-городских поселений не только в Молдавии, но и в Европе в целом – увеличенный таким образом округ составлял его *хинтерланд*, необходимый для насыщения рынка продуктами питания развивающегося города, потерявшего большую часть сельскохозяйственных угодий и в первую очередь – пахотных земель, оказавшихся под застройкой домов, лавок, питейных и других заведений. Попытки интенсифицировать неизбежную урбанизацию административными мерами, одновременно существенно увеличивая доходы государственной казны (т.е. непосредственно князя – господаря), переводя новообразованные города в княжеский домен, наталкивались на сопротивление феодальной знати на местах. Примеры многочисленны: в XVI и XVII вв. в Молдавии были основаны торжища с присоединением соседних владений *Завадины* (на месте будущих Бельц), *Пештера* (на основе Старого Орхеля), *Штефэнешты* (на Пруте). Однако, они закончились неудачей после смерти инициативных господарей, поскольку прежние владельцы сёл при новой власти потребовали вернуть им изъятые вотчины. Это случилось и в Кишинёве: иск прежних владельцев был удовлетворен и им вернули отчужденные вотчины. Уже в мае 1666 г. Георгий Дука возвращает Тоадеру (Феодору) постельнику из господарева домена *Буканы*, заложенные при Евстратии Дабиже: «Нои, Дука Воевода [...] маствит. Шї ам дат бояриінулуи ностру луи Тоадер постелникул. А са дряпта очинь ши мошіе сатул Буканїи. Че синту ла цїнутул Лъпушнеи. Каре сат лау фосту пус зьлог. Дрепту нище бани ла рьпъосатул Дабиж Водь. Домнїя мя мам маствит. Шї ллм милуит ку ача очинь ши мошіе. Ын вячи кум яу фост ши маи наинте кутот винитул. Ши чине ива ара сау ва вوسی пре ачест хотар а бояринулуи ностру. Че маис ус скрієм. Ори тьрговецїи де Кишиньу. Ори алци оамени. Ка съ ле я азъчя. Ши ниме. Съ ну кутязе. А циня сау а опрі...» / *Грамота Господаря Дуки Воеводы отъ 2-го мая 7174 (1666) года.* (Труды... 1902, 237-238; МEF, V, 1987, р. 140-141, doc. 56.). Примечательно, что жители Кишинёва в грамоте упоминаются не как селяне, а как торговцы (горожане) – «тьрговецїи де Кишиньу». Несмотря на сложности изменений в системе административного и фискального управления, процесс социально-экономического развития города и его округа не останавливался, интенсивное развитие торговли и переход к превалированию товарно-денежных отношений продолжались. Превращение села в торговое местечко началось раньше решения господарей превратить Кишинев в город, что принималось как императивное следствие наступившему явлению, о чём говорят и свидетельства Эвлии Че-

леби. Ещё в декабре 1653 г. документально отмечено действие княжеской таможни (Eşanu 1997, 34). Изначально торжища и города в Молдавии, были княжескими, принадлежали казне, поэтому в них находились представители власти, собирающие в казну налог с доходов жителей. Это обстоятельство обуславливает обязательное наличие строений для присутствия представителей администрации княжества. В хронике Мирона Костина (1677 г.) *Кишинёв* упомянут в списке молдавских городов, обретая всё большее значение для государства, в том числе и военно-стратегическое, когда в 1683-99 гг. части Нижней Молдавии были оккупированы буджакскими татарами и присоединены к Бессарабии.

Коллизия с владельцами вотчин в округе Кишинёва получает своё развитие в 1690 г. на суде господаря Константина Кантемира (1685-93), когда состоялась тяжба между игуменом монастыря Галата Лионтием и Тоадером (Феодором) постельником и Илияшем Абазой – наследниками логофета Ионашкуцы, получившими *Буканы* от Раманди Старого, внука Кирицы, не знавшего, что она завещала его монастырю, который владел вотчиной до правления Стефаницы Лупу (1659-61 гг., получившего в народе прозвище Папурэ-Водэ из-за эпидемии чумы и голода 1660 г., когда людям приходилось есть молотый камыш – от молд. *папурэ – камыш*): «...Адекъ сау пърът [...] Лионтиё. Егуменул дела свнта мъньстири Гълата [...] ку Тоадер постялникул. Фичорул луи Апостолаке. Непотул луи Ионъшкуци чау фост логофът. Ши ку Илияш Абъза – карили цини пре о непоть а луи Ионъшкуци логофътул петру сатул Букании лау дату даніе. Кирицое свнтеи мъньстири Гълъции [...] сау фост скулат. Раманди чел Бътрън. Хиинд непот Кирицьи. Ши нещиинд. Къ ясти дат ачел сат Букании. Даніе мъньстиреи де Кирицое лау фост дат ши ел даніе луи Ионъшкуци логофътул [...] Шау цинут мътьстиря сатул Букании пън ла домнія луи Щефъници вод...» / *Грамота Господаря Константина Воеводы отъ 11 августа 7198 (1690) года.* (Труды... 1902, 238-239).

Упоминание формулировки *търгул Кишънъу* (город *Кишинёв*) в официальных документах государственной канцелярии сохранилось в грамоте молдавского господаря Николая Маврокордато от 14 июля 1712 г.: «...Неофит егуменул дела сфънта мъньстиря Сянта Винери. Ши пречии ва тримите ламошие свинтеи мъньстирии. Лахотарул търгулуи Кишънъулуи – карф парте ясте асфинтеи мъньстирии» / *Грамота Господаря Николая Александр(ович)а отъ 14 Июля 7220 (1712) года* (Труды... 1900, 177).

В 1716 г. Д. Кантемир также упоминает Кишинёв в качестве города Лапушнянского округа.

Весьма важны замечания автора «Описания Молдавии» не столько о самом городе (характеризует его как «городок не очень большого значения»), сколько о Лапушнянском округе: «В старину он включал в себя Тигину, по-турецки Бендеры, город на Тирасе, некогда сильно укрепленный и в настоящее время еще усиленный многими военными сооружениями. В наше время этот город был убежищем короля Швеции, бежавшего сюда после Полтавской битвы. Турки неоднократно и безуспешно осаждали Бендеры, но то, чего они не могли добиться силой, достигли благодаря хитрости и предательству господаря Арона, которого молдаване прозвали тираном. Из-за своей жестокости и тиранства, которые он проявлял по отношению к молдаванам, был изгнан знатью из своего государства, бежал к турецкому султану, обещав ему, что если будет восстановлен на престоле, то уступит его войску и отдаст на вечное владение Тигину с двенадцатью селами, чего султан давно домогался. Прельщенный таким даром, султан восстановил его на престоле, получив взамен наиболее укрепленный город всей страны, опору в борьбе против поляков и татар. Теперь главным городом этого округа является Лапушна, расположенная у речки того же названия, в городе постоянно находятся два пыркалаба, поставленные господарем для управления делами округа». Это свидетельство подтверждает значение Тигины как важнейшей и наиболее мощной крепости ещё в составе Молдавского княжества, потеря которой не могла не отразиться на военно-топографической картине прилегающих районов. Военный, административный центр переносится в Лапушну, укрепляются существующие и возводятся новые фортификации. Жизненной необходимостью для Молдавского княжества в конце 30-х – начале 40-х гг. XVI вв. стало формирование полноценной оборонительной линии на юго-восточной границе. Не может быть сомнений, что именно на этот период приходится возведение новых и дополнительных укреплений (крепостей, замков, церквей, стен, валов, рвов и т.п.) в Лапушне, Каприяне, Кишинёве, Спее, Анешканах, Устье, Оргееве и других населённых пунктах, что нашло своё топографическое отражение на карте, воспроизведённой Р. Заннони.

Проведённый в 2017 г. в рамках совместных экспедиций Молдавского историко-географического общества и Русского географического общества осмотр местностей, предполагаемого расположения крепостей в Спее и Анишканах, выявил следы сохранившихся до наших дней участков, отмеченных на старинных картах, фортификаций на Днестре. Не вызывает сомнений и достоверность информации о крепости в Кишинёве, топографи-

ческая детализация которой позволяет провести историко-географическую реконструкцию на местности. Методологически верно это делать на основе сопоставления с детальными картами Кишинёва конца XVIII – начала XIX вв.

Реконструкция историко-географического ландшафта Кишинёва XIV-XVIII вв.

Благоприятное положение Кишинёва на пересечении важнейших дорог при переправе стало катализатором изменений в структуре поселения. Одна дорога, часть которой пролегла вдоль Быка, – *Татарский путь*, связывавший Яссы через брод на Пруте с Тигиной (Бендерами) на Днестре. Другая дорога, получившая впоследствии наименование *Императорской*, соединяла бывшие молдавские крепости на Дунае, занятые Турцией, с Хотинской крепостью. Необходимость обеспечения проезжающих продуктами питания, питьем, местами для постоя, отдыха и ночлега, ухода за экипажами и лошадьми и т.д., способствовала появлению категории местных жителей, занятых торговлей, ремеслом и обслуживающим трудом. Ситуация характерная для интенсивного развития торжищ и городов, так что собирательный термин *торговцы* в целом характеризовал разнообразную деятельность жителей Кишинёва того времени.

Градообразующие условия, легко читаемые на плане города, в заданном природном ландшафте, получившие развитие не позднее XIII–XIV вв., стали основополагающими только тогда, когда изменилась политическая ситуация в регионе и на месте завоеванных в XV–XVI вв. молдавских приграничных крепостей на Днестре и Дунае появились вновь укрепленные турецкие с крупными военными и торговыми форпостами, что привело к интенсификации транзитной торговли и оживлению дорог в Пруто-Днестровском междуречье в XVII-XVIII вв. Таким образом, в Кишинёве создались благоприятные условия для значительного роста товарно-денежных отношений, а обработка земли и введение натурального хозяйства стало для них отвлекающим от основных занятий делом.

Юридические коллизии из-за отсутствия документов на дарение села монастырю Св. Пятницы и то, что в промежутке времени между 1618 и 1641 гг. он был частью княжеского домена, а затем господари Еустратие Дабижа и Георге Дука официально закрепили его городской статус, привело к неповиновению жителей Кишинёва: так называемые «торговцы» отказались признать зависимость от монастыря и производить выплаты в его пользу, продолжая считать город в княжеском подчинении. И в какой-то мере они победили, так как монастырь Св. Пятницы, согласился с тем

чтобы «...учинили бы для нихъ (торговцевъ) положение, чтобы и они платили поземельный налогъ ежегодно, как платятъ и по другимъ мѣстечкамъ, находящимся на монастырскихъ земляхъ...» (Труды... 1902, 240-242), измерением которого служила величина строения, ориентированная на улицу и рынок.

В течение длительного периода, начало которого можно определить серединой XVII в., временем изменения направления транзитных дорог (Agachi 1996, 315-325), в Кишинёве вдоль улиц, являвшихся их городскими сегментами, появлялись торговые заведения. В начале XVIII в. в связи с турецкой кампанией по завоеванию крепости Хотин активной становится *Императорская дорога*, представлявшая собой *мензил* – регулярную турецкую почтовую трассу, оживленную, многолюдную, с примкнувшими к почтарям торговцами, военными, чиновниками турецкой администрации. Турецкая почта располагалась на левом берегу Быка, там, где древняя дорога пересекала брод. Этот район города до сих пор носил название Старая Почта. Сохранилась и часть дороги в самой старой части города – современная улица Петру Рарещ (ранее Большая, Павловская).

События 1738-39 гг. оказались в истории города драматическими, но чрезвычайно важными. Во время русско-турецкой войны 1735-39 гг. Кишинёв сильно пострадал, в наибольшей степени, по всей видимости, – западная сторона – древние Буюканы, вотчина Вознесенского монастыря (Галаты), но в первую очередь – крепость, вотчина Архангельского монастыря (Фрумоасы, Балики), с пострадавшей Николаевской церковью XVII в., которая после восстановления будет вновь освящена (закономерно) в честь Святых Архангелов, о чём сообщается в грамотах. С пожарами кишинёвские торговцы переселились на восточную часть города – Пятницкую сторону, непосредственно примыкавшую к бывшей крепости и старому селу. Одновременно последовало и «освоение» торговцами сегмента почтовой дороги, пролежавшей преимущественно по земле вотчины Буюканы. Кульминацией такого положения стало возмущение монастыря Галата тем, «что монастырь Галата не имѣть никакого прибитка отъ той вотчины, который бы былъ въ помощь Св. Гробу, такъ какъ торговцы, имѣя дома, лавки и погребя на землѣ Св. Гроба, не даютъ (за то) ничего и (выходитъ что) сами владѣютъ мѣстомъ в городѣ, равно въ окрестностяхъ топчуть землю скотомъ своимъ и (монахи) не имѣютъ никакой пользы отъ той вотчины» (Труды... 1902, 240-242), а представители Архангельского и Пятницкого монастырей потребовали вновь «обмежевать место города Кишинёва». Власть принимает меры и только тогда выясняет

ся, что межа между вотчинами Кишинёва и Буюкан давно отсутствует и город распространился на землю монастыря Галата.

Во многих исследованиях истории Кишинёва написано о «слиянии» города с селом Буюканы, расположение которого в XVIII в. известно – оно находилось на расстоянии 3,5 км от западной окраины застроенной части города, да и сегодня микрорайон Старые Буюканы (Буюканий Векъ) далеко от центра. Появляется закономерный вопрос: как село Буюканы, находившееся на большом расстоянии от средневековой части Кишинёва, могло тогда слиться с торжищем? Сформировалось устойчивое мнение, что жители *села Буюканы* оставили прежнее место обитания на берегу Быка и основали новое село, на некотором расстоянии от прежнего, с тем же названием. Оно основано на взаимозаменяемости некоторых терминов в исторических документах, хотя в исторических грамотах термины «вотчина», «село», «селище» имеют разный смысл. Так, «вотчина» означает территорию только частично занятую под строениями (селище), вокруг которой находятся угодья: пахотная земля, сенокос, выгон, лес, пруды и даже камышовые участки болота, то есть все что было необходимо для жизни и питания жителей одного села. «Село» также называлось «селищем», но последний термин использовался и как «место бывшего села», а не только как «застроенная часть села», а также вместо «вотчины». «Село на Быку» при прямолинейном понимании означало что село находится на берегу этой реки, причем что настолько близко к Кишинёву, что оно слилось или поглотилось разросшимся городом. То есть село должно было находиться около переправы на левый берег проходящих через Кишинёв транзитных дорог меридионального направления. В таком случае вызывает недоумение почему *буюканские* жители не участвуют в процессе освоения благ, предоставляемых пролегающим рядом с их домовладениями почтовым трактом, притом, что *кишинёвские* жители, захватили под свои торговые заведения и перешли на территорию их вотчины. Село давно располагалось на современном месте, известном также как вотчина *Вовинцены*: на карте 1770 г. на этом месте отмечено уже село *Буюканы*, в переписи 1772–73 гг. указано, что селение имело 28 дворов, а по переписи 1774 г. тут было уже 52 дома и 1 священник. И то, что домовладения селян к тому времени находились далеко от почтового тракта, объясняет неучастие буюканцев в застройке близлежащей к ним улицы, по которой пролегал мензил.

Расширение Кишинёва на вотчину Буюкан вызвало поток жалоб игуменов монастыря Галата, которые постоянно подчеркивали, что Кишинёв

основан на Буюканской вотчине, хотя, как описано выше, получил статус города в то же время, когда была выделена особая вотчина Кишинёв (Пятницкая сторона), и только потом разросся на соседнюю. Прочтение объяснений и местных жителей и игуменов монастырей вызывает впечатление «стихийного» расширения Кишинёва в северо-западную сторону – на Буюканскую вотчину монастыря Галата. Так, в 1741 г. утверждалось что «...поддались торговцы Кишиневские, выстроивъ себѣ дома и лавки и по той причинѣ нарушается межа Буйкань...» (Труды... 1902, 250-252); в Свидетельстве великого логофета Костакия Разо от 12 июля 7256 (1748) г. говорится, что «...раньше весь городъ находился на землѣ монастыря «Святый Архангелль»; со времени же расколовъ (войнѣ), когда пришли москали къ Хотину и были сожжены всѣ дома горожанъ, послѣдніе при заселеніи послѣ войны будто бы поддались вверхъ (къ сѣверу) и стали строить дома и лавки, распространившись и на Буюканы – имѣніе монастыря Галаты...» (Труды... 1900, 181-183); в 1758 г. отмечалось, что «...м. Кишиневъ основано съ (самого) начала на землѣ Буюкань...» (Труды... 1902, 273-275); в 1795 г. «...Оповѣщеніе дѣлается сею грамотою [...] относительно мѣстечка Кишинева, съ его окраинами и со всею землею вокругъ, принадлежащею монастырю свято-гробскому Галатѣ, каковое (м-ко) прежде не было княжескимъ торжищемъ, [...] а была вотчина (та) свободную какъ и другія села страны сей, и (лишь) со временемъ возникло скопище торговое...» (Труды... 1902, 288-292). Что происходит? Торговцы кишиневские, а земля буюканская. Каким образом произошло замена понятий? Каким образом торговцы Кишинёва расширили свое торжище на буюканской земле? И почему об этом не знали вовремя, ни владельцы Буюкан, ни монастырь Галата, ни княжеская власть? В княжеских письмах, адресованных местной администрации текстуально повторяется монастырская позиция в трактовке «поползновения» кишинёвцев на территорию Буюкан. То есть они узнают об этом благодаря жалобам игуменов Галаты?

Для этого обратимся к старинным картам и планам Кишинёва (рис. 13-16). Изображение города на некоторых географических картах XVIII в. следовало схематизированному, но близкому к реалиям плану города, изображенного вместе с пролегающими через него дорогами, поделившими город на обобщенные жилые островки-кварталы. В передаче основных характеристик городской структуры можно убедиться, сравнив планы Кишинёва на географических картах Заннони, Ружа, Баура (1769-74 гг.) и схемах военных инженеров 1788 и 1789 гг., с одной стороны, с топографичес-

кими планами Кишинёва 1817, 1834 и 1940-42 гг., с другой стороны. На всех изображениях на картах и планах Кишинёва и окрестностей присутствуют элементы застройки и проходящие через город дороги, направления которых зависели от целей и траектории передвижения внутри и между населёнными пунктами и, конечно, от ландшафта местности, в том числе местонахождения переправ через реку Бык, что в совокупности создавало градообразующий каркас средневекового Кишинёва. На картах «Заннони-1772» и «Руж-1769», а также, возможно, «Заннони-1774» отражена топографическая картина до разрушений 1738-39 гг. Карта Ружа синтезирует карты Заннони и Кантемира, копируя их с генерализацией (обобщением и упрощением), о чём Руж пишет в пояснении к самой карте. После пожара последовал княжеский призыв к жителям Молдавии поселиться в Кишинёве и о льготах, предоставляемых переселенцам, чем, очевидно, воспользовались как приезжие, так и местные торговцы. Как свидетельствуют документы, именно тогда начался массовый захват торговцами Кишинёва близлежащей территории Буюкан, хотя процесс начался еще раньше и отмечен 24 января 1739 г. (Труды... 1900, 177-178).

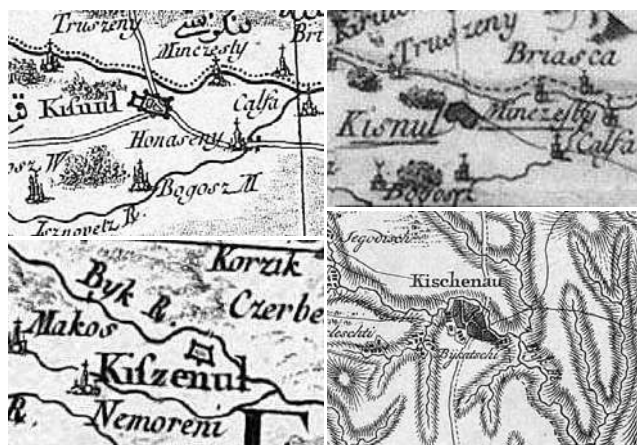

Рис. 13-16. Окрестности Кишинёва в XVI-XVIII вв. («Заннони-1772»; «Руж-1769»; «Заннони-1774»; «Баур-1771»).

Создание карты «Баур-1771» происходило в 1769-71 гг. под руководством одного из непосредственных участников русско-турецкой войны 1768-74 гг. генерала-майора Баура (Ф.В. Баур). Это совершенно самостоятельное и восхитительное произведение новой эпохи, начавшейся в 1769-70 гг., ультрасовременная для своего времени военно-топографическая карта, созданная на основе натуральных измерений на местности во время военных операций. На ней показана застройка именно Кишинёва спустя 30 лет после пожара и уже без крепости, занимающая в основном территорию буюканской части, прилегающая к пойме Быка

вокруг Благовещенской церкви. Крайняя восточная часть застройки упирается в место напротив устья его левого притока Глубоки (Гульбочихи) – Мазаракиевская гора. Таким образом, к концу 60-х гг. XVIII в. Пятницкая сторона (район Мазаракиевский и Пятницкой церковью) остаётся ещё слабоосвоенной.

После подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. и перехода Молдавии под протекторат России начинается период политической стабильности и экономического развития. Предпринимаются попытки упорядочить территорию торжища города Кишинёва. Однако в 1788 г. город становится непосредственной ареной боевых действий, и отступающая турецкая армия поджигает город. Известно высказывание о виде руин Кишинёва 1788 г. секунд-майора фон Раана, бывшего на службе в российской армии, участника конфликта, который отметил: «...здесь видны печи и трубы, остатки лучших домов, коих числом было около 300; купеческие лавки, которые составляли каменный квадрат на 300 сажень в окружности, лежат под пеплом, так же как и шесть или семь церквей» (Журнал... 1892, 49). Величина рынка, если принять за истину что имел квадратную форму, должен был иметь стороны длиной по 75 саженьей. Это больше, чем квадратные кварталы верхнего города, построенные по проекту 1834 г., имеющие длину сторон по 60 саженьей (Nesterov 2005, 45). Используя топографический план города Кишинёва, выполненный в 1940-42 гг. можно убедиться, что глазомерные данные военного служивого при описании величины рынка подтвердились, но соответствуют застроенному лавками наружному контуру рынка. Внутренняя квадратная рыночная площадь имела около 30 саженьей. Тем самым подтвердилось и то, что торжище было создано до разрушений 1788 г., и одновременно с этим – справедливость жалоб игуменов монастыря о том, что торговый город создан на земле Буюкан.

Планы Кишинёва 1789 г. (рис.17, 18) отражают существенно отличную ситуацию, когда территория рыночной площади и бывшей крепости, выглядит особенно запустевшей, а наиболее плотная застройка перенесена на Пятницкую сторону. В то же время на левом берегу Быка вокруг древней Вистерниченской церкви обозначена другая крепость, возведённая, либо усовершенствованная на основе принципов Вобана (разработанных во второй половине XVII в.), возможно, во время русско-турецкой войны 1787-91 гг., когда Кишинёв оказался в эпицентре военных действий.

План рыночной площади Кишинёва, известный в XIX в. как *Старый Базар*, уникален. Находясь в центральной части старого города, стороны

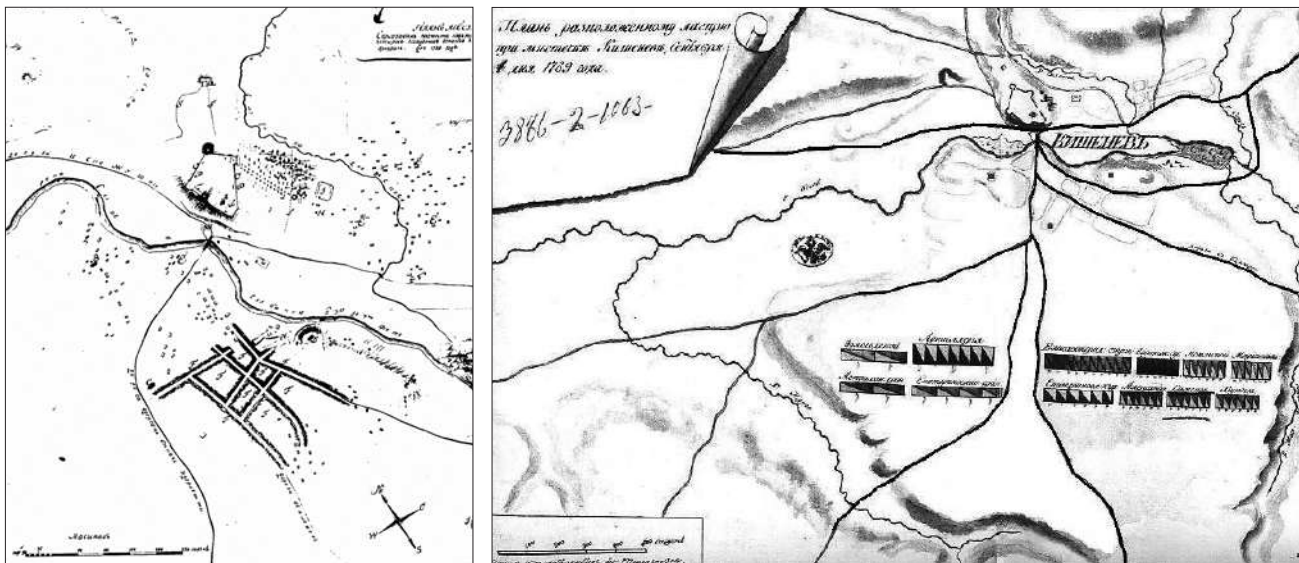

Рис. 17, 18. Планы Кишинёва и окрестностей, составленные в феврале и сентябре 1789 г.

внутренней рыночной площади были ориентированы по странам света, соответствуя системе ортогонального плана верхнего города. У исследователей даже вкралось сомнение, не была ли запроектирована рыночная площадь после присоединения Бессарабии к России и теми же инженерами. Так сказать, генеральная репетиция того, что будет распланировано впоследствии выше по склону, к юго-западу от территории средневекового Кишинёва. Но, как уже доказано выше, такой рынок, и по форме, и по величине, соответствует описанному фон Рааном в 1788 г., тем более что ориентация рыночной площади сделана с небольшой погрешностью по отношению к последующим работам, выполненных строго по странам света. Будучи вписанным в унаследованную от Средневековья улиц и переулков систему, рынок

имел близкую к квадрату конфигурацию, в итоге получив ромбическую форму, как бы «подтянутую» за угол в направлении улицы – отрезка дороги ведущей из Бендер в Яссы.

Чёткая форма площади рынка указывает на то, что после пожаров 1739 и 1788 гг. строительные работы в центральной части Кишинёва проводились с учетом рациональных тенденций в европейском градостроительстве. Судя по плану Кишинёва 1817 г. (рис. 19, 20), рынок и прилегающие к нему кварталы, безусловно, к этому времени были архитектурно упорядочены: прямоугольная форма узких и коротких, дробных кварталов, одинаковой ширины, окружающие, как картинная рама, квадратно-ромбическую рыночную площадь и несколько коротких и узких, параллельных между собой улиц, находящихся к западу от

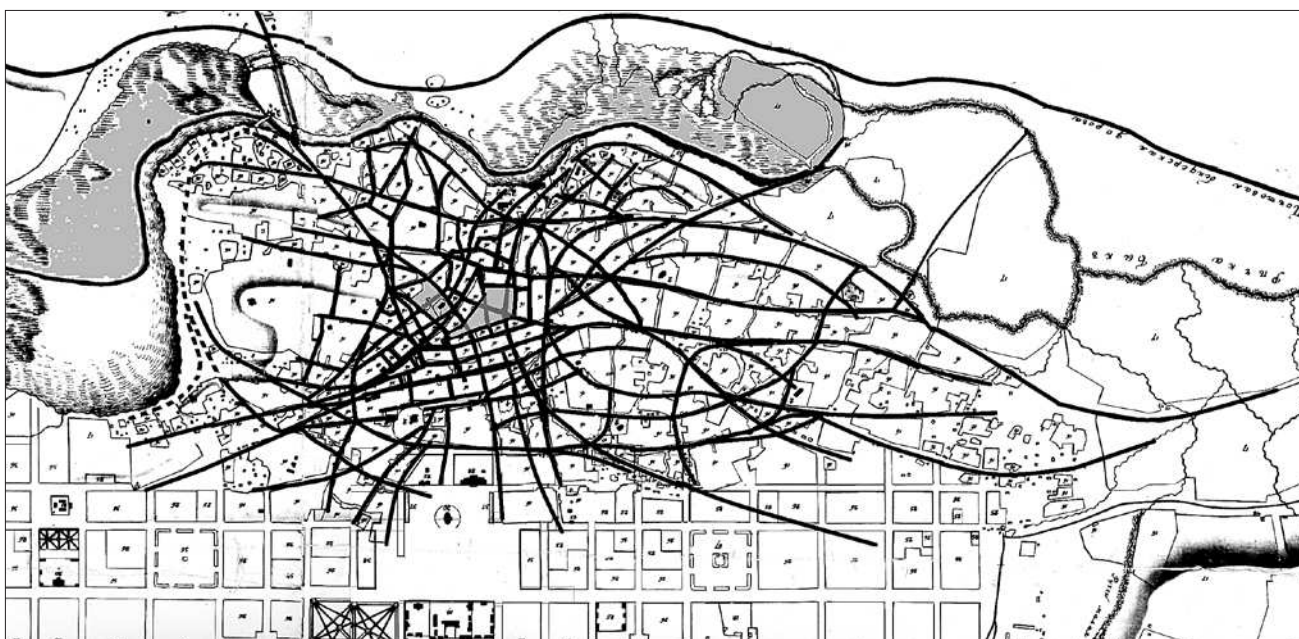

Рис. 19. Уличная сеть средневекового Кишинёва на основе плана 1817 г.

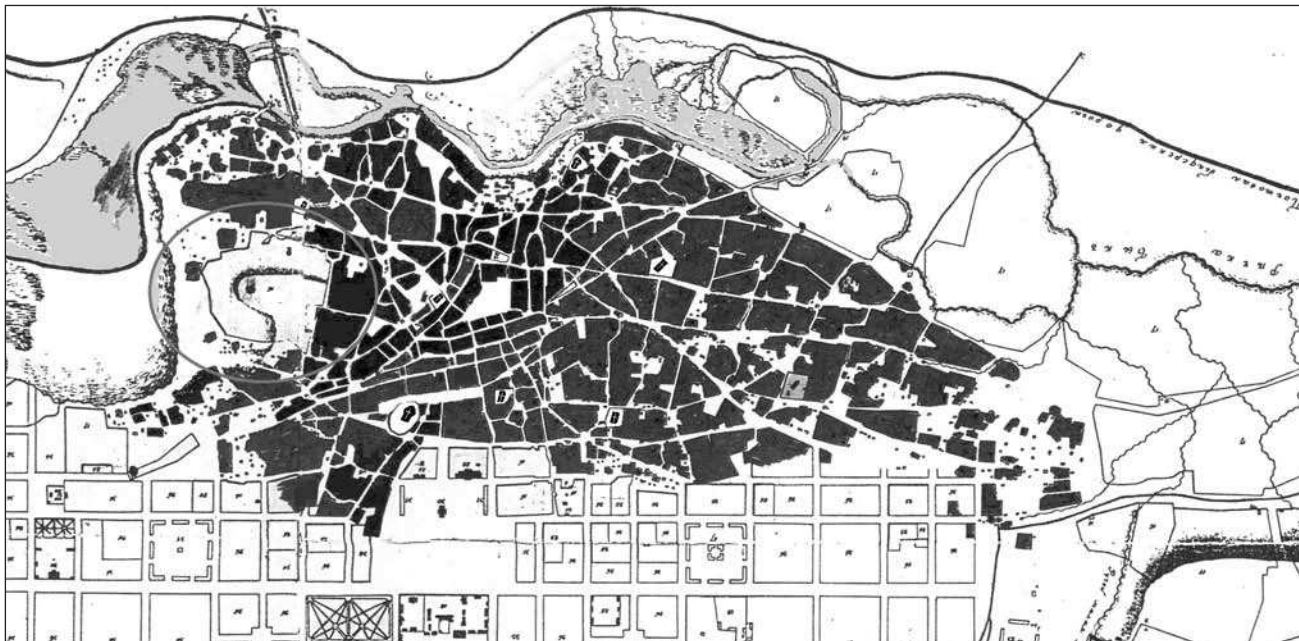

Рис. 20. Застройка старой части Кишинёва на основе плана 1817 г. (выделена Замковая гора).

рынка, контрастно выделяют застройку Старого Базара, как поздняя вставка, в измельченную, криволинейную уличную сеть центральной части города, стихийно созданную гужевым транспортом в предыдущие эпохи. При «выпрямлении» улиц по градостроительному проекту Кишинёва 1834 г. чужеродный характер кварталов Старого Базара еще больше заметен, так как ломанные сегменты улиц не соответствуют контурам кварталов рынка, образуя тупики.

О Кишинёве тех времён, о которых больше могли бы рассказать результаты археологических исследований, нежели лаконичные сообщения древнейших грамот, остались свидетельства в виде следов некой фортификации, до сего времени неизвестной в научной литературе. Впервые мы обратили внимание на это нечто «похожее на крепость», находящееся в аномально малолюдной северной части средневекового Кишинёва в связи с недавней публикацией на замечательном сайте любителей истории и географии «Мой город Кишинёв» (oldchisinau.com) военной немецкой фотографии города 1944 г. (рис. 21).

Рис. 21. Фрагмент аэрофотоснимка Кишинёва от 03.05.1944.

Там, на самом крае старой части города, в виде широкого и высокого мыса, 25-метровой обрывистой скалой возвышающейся, над бывшим Кишинёвским озером в петлеобразной пойме Быка, регулярно затопляемой паводками при весеннем разливе, удивительным образом сохранилось незастроенное (до недавнего времени почти полностью) удлиненное в плане плато. С трёх сторон оно окантовано прямыми улицами, присутствующими на «Плане городу Кишинёву» архитектора Озмидова (1817 г.), то есть они являются более древними, чем улицы, проложенные по плану 1834 г., когда уличная сеть Кишинёва была «выпрямлена» (рис. 22). Эта часть города отличается ещё и тем, что здесь кварталы крупнее центральных и южных и не измельчены на небольшие домовладения. Она напоминает такую же незастроенную территорию в составе другого средневекового (бывшего) города – Лапушна, где в центральной части сегодняшнего села уже на протяжении нескольких столетий находится крупный незастроенный участок земли.

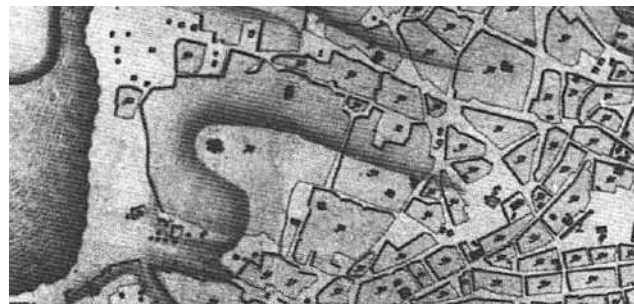

Рис. 22. Фрагмент «Плана городу Кишинёву» архитектора Озмидова, 1817 г.

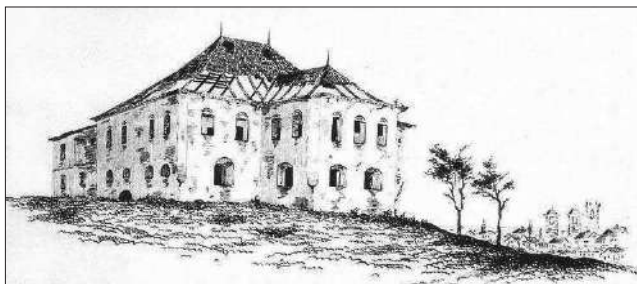

Рис. 23, 24. Дом Доница, затем наместника Инзова (очевидно, бывшая резиденция паркалабов), гравюры XIX в.

Это обстоятельство приводит к умозаключению, что и в Лапушне, и в Кишинёве эти незастроенные участки имели особый статус, который не позволял жителям занимать его под усадьбы. По всей видимости, это был княжеский домен, поскольку и Лапушна, и Кишинёв – бывшие княжеские резиденции, а на этих участках, довольно крупных по средневековым меркам, должны были находиться здания региональной администрации и место присутствия и приёма служивых людей. Поэтому плато (гора) в Кишинёве оставалось незастроенным и после того, как княжеский домен перестал соответствовать историческим реалиям. На холме, подтверждая статус зависимости от центральной власти и, тем самым, и нашу интерпретацию как княжеского домена, находилось известное по письменным источникам с конца XVIII в. двухэтажное здание «Дом пыркалэба Доница», получившее после 1812 г. известное название «Дом наместника Инзова», знаменитый дом, в котором несколько месяцев жил поэт Александр Пушкин. Замковая гора, соответственно, в XIX в. именовалась Инзова горка, а в XX в. – Пушкина горка. Улица, соединявшая гору со Старой площадью, частично сохранилась и сейчас так же называется Пушкина Горка (Colina Puşkin). Таким образом продолжались традиции использования данной территории администрацией области.

По краю холма, возможно от предыдущих исторических периодов, когда здесь находилась раннесредневековая фортификация, с восточной стороны, примыкающей к Старому городу (улицы Благовещенская и Пушкина Горка), сохранились земляные валы – то, что изолировало плато от ос-

тальной территории. На плане 1817 г. отчётливо видна эта обособленность, а на немецком аэрофотоснимке 1944 г. – общий прямоугольный контур плана. С западной обрывистой стороны угадываются фундаменты круглых башен, в особенности центральной, сохранявшейся до последнего времени в рельефе местности.

Есть свидетельства, что именно по нижней части поймы, под крутым склоном холма проходила дорога, ведущая из Килии в Оргеев, а данная фортификация контролировала проезжающих. На одном из выполненных военными инженерами планов Кишинёва 1789 г. указана дорога, пролегающая внизу вдоль плато, направляемая к известному броду через Бык (соответствующий концу современной улицы Петру Рареш). По всей видимости, это оборонительное сооружение золотоордынских времён – резиденция бывшего местного правителя Акбаша. Некую вероятность сего предположения придают также следующие историко-географические и топонимические соображения: *Татарская Селища*, продолжавшая существовать и в первой трети XV в. на левом берегу Быка (будущие Вистерничены, Рышкановка); вотчина, над которой возвышается плато с фортификацией во второй половине XV в. время станет называться *Буюканы*, а по-татарски *буюк хан* означает *большой дворец*; и, наконец, сам *Кишинёв* (*Кешенев, Кишинэу*), этимологию которого предпочтительнее связывать с тюркскими многозначными народными географическими терминами *кесене, кешене* (Мурзаев 1999, 284), восходящими к единой топографически наиболее важной семантике – *укрепление* (*монастырь, мавзолей, крепость, дворец* и др., и имеющими параллели в абазинском *kasane – старинная крепость*, сванском *keşeni – замок, дом*, персидском и других языках), то есть существенно более древнее, унаследованное, либо впоследствии прошедшее топонимическую адаптацию в тюркских языках (в XI–XII вв. в печенежском, половецком, XIII–XIV вв. в татарском).

Попытка разобраться в том, что находилось на этом месте, когда оно создано и что за крепости обозначены на картах Заннони, заставило пересмотреть исторические сведения, связанные со становлением Кишинёва городом и «захватом» «торговцами» соседней Буюканской территории. Также следовало бы определить и время создания княжеского домена, появившегося не на бывшей княжеской, то есть Пятницкой («Кишиневской») стороне города, а на соседней территории, которая намного позже вошла в состав Кишинёва «рейдерским» захватом, пользуясь современным языком.

Как уже сказано выше, главные улицы Кишинёва представляли собой отрезки проезжающих через город транзитных дорог, но были и дороги,

направляющиеся к определенным градостроительным доминантам: к источнику питьевой воды Великая Криница, к рыночной площади (улицы создали контур и разделение кварталов вокруг), в сторону Замковой горы; одна из них (Минковская/Кошбук) стала разделительной межой между вотчинами Кишинёва и Буюкан. Прямолинейные улицы проведенные в этой части города и большие кварталы без следов перепланировок и уплотнения застройки, свидетельствуют об организации на территории Замковой горы некоего крупного хозяйства, что вкупе с признаками имеющего особый статус участка, склоняет к версии об использовании его в долгосрочных целях и неизбежно выводит на господарский/княжеский масштаб деятельности. В самом деле, Кишинёв с XVI в. – крайний город на восточных рубежах центральной Молдавии, становится местом, где взимается господарская пошлина и где находится княжеская налоговая служба. В Кишинёве находились крупные склады с продовольствием, получившие известность тем, что во времена господаря Григория Гики, просо, хранившееся в них, спасло голодавших в 1731–32 гг. (Neculce 1990, 432). В город в разное время, для решения спорных вопросов, связанных с городской или монастырской собственностью, приезжают самые важные члены княжеского совета, принимаемые городским советом во главе с шолтузом. Все службы требовали помещений, зданий и свободных площадок городской территории. Весь необходимый комплекс княжеских зданий и сооружений, открытых площадок, амбаров и складов, располагался именно на этом холме, защищенном с северной стороны самой природой, и в непосредственной близости друг к другу.

Исходя из имеющихся документально зафиксированных сведений, торговцы Кишинёва после 1739 г., «поддались (букв. растянулись)» – «сау тинсу» (Материалы... 1902, 246), на территорию Буюкан, захватив большую часть угодий, и только тогда этот факт обратил на себя внимание. Очевидно, работы по упорядочению сформированного центра торжища Кишинёва были инициативой местной администрации. В 1756 г. княжеская власть по вопросу о принадлежности города Кишинёва имеет твердую позицию: «...городъ Кишиневъ основан от начала на землѣ Буюкан, вотчинѣ святаго монастыря Галаты, который преклоненъ Святому Гробу...» (Труды... 1902, 267). Это означает что рыночная площадь градостроительно и архитектурно изначально была сформирована именно здесь и смогла быть полноценно реконструирована после 1788 г.

После выяснения истории создания города, как торгового местечка, следует вновь обратиться к картографическим материалам Заннони. На

карте 1772 г. Кишинёв выделен символическим знаком, характерным для крепостных сооружений, состоящий из двух прямоугольников: одного квадрата с выделением круглыми кружками углов, и удлиненного прямоугольника, с таким же выделением углов и дополнительно ещё в середине сторон. Первое впечатление, что перед нами крепостные сооружения, с обычными для XIV-XV вв. характеристиками, даже похожего на цитадель Тигины. На следующей карте Заннони 1774 г., эти представления городских фортификаций модифицированы в неправильный пентагон с круглыми формами на углах. На третьей карте 1782 г. город обозначен кружком с радиально расходящимися лучами. Данные символы, представляют, по нарастающей, явный прогресс в лаконичном изображении города Кишинёва на картах, как мы отмечали выше, в первую очередь с целью генерализации.

На наиболее подробной и приближенной к реальности карте 1772 г. можно предположить выделение квадратом Замковой горы (плато с комплексом княжеских заведений) и прямоугольником – территории княжеской части города вместе с рыночной площадью, кружками – башни или ворота, установленные на въездах в крепость. Насколько серьезными были фортификации Кишинёва этого периода и были ли они? Чтобы ответить на эти вопросы необходимо провести полноценные археологические раскопки. Но чтобы понять, где именно их следовало бы сосредоточить в первую очередь, надо выяснить насколько изображения на старых картах вписываются в топографические реалии. Для этого на основе интеграции фрагмента карты Заннони-1772 и аэрофотоснимка 1944 г., а также плана межевания 1800 г. и плана города 1817 г. попробуем хотя бы в первом приближении провести реконструкцию ключевых элементов историко-географического ландшафта средневекового Кишинёва (рис. 25, 26).

«Подквадратная» часть (замок с подзамочком) легче всего читается даже на современных картах, почти полностью соответствуя выраженной в рельефе Замковой горе, очерченной улицами Инзовской (современная З. Арборе), Дончева (Пушкина Горка), Каменоломенной (Зайкина), Кательновой (Стамати). Куртины пристроенной к ней большой прямоугольной фортификации так же соответствуют улицам XIX в.: будучи прямым продолжением стены подзамочка вдоль Кателиновой (Кательницкого переулка), где до недавних пор улица сохранялась, сейчас частично застроена, далее на юго-восток – по кварталам, застроенным уже в конце XVIII в., ровно выходя на Фарисеевскую и Петропавловскую (перестроены в 1950-60-х гг.), поворачивая в сторону реки вдоль Минковской (Кошбук) и Рышкановской (нижняя часть

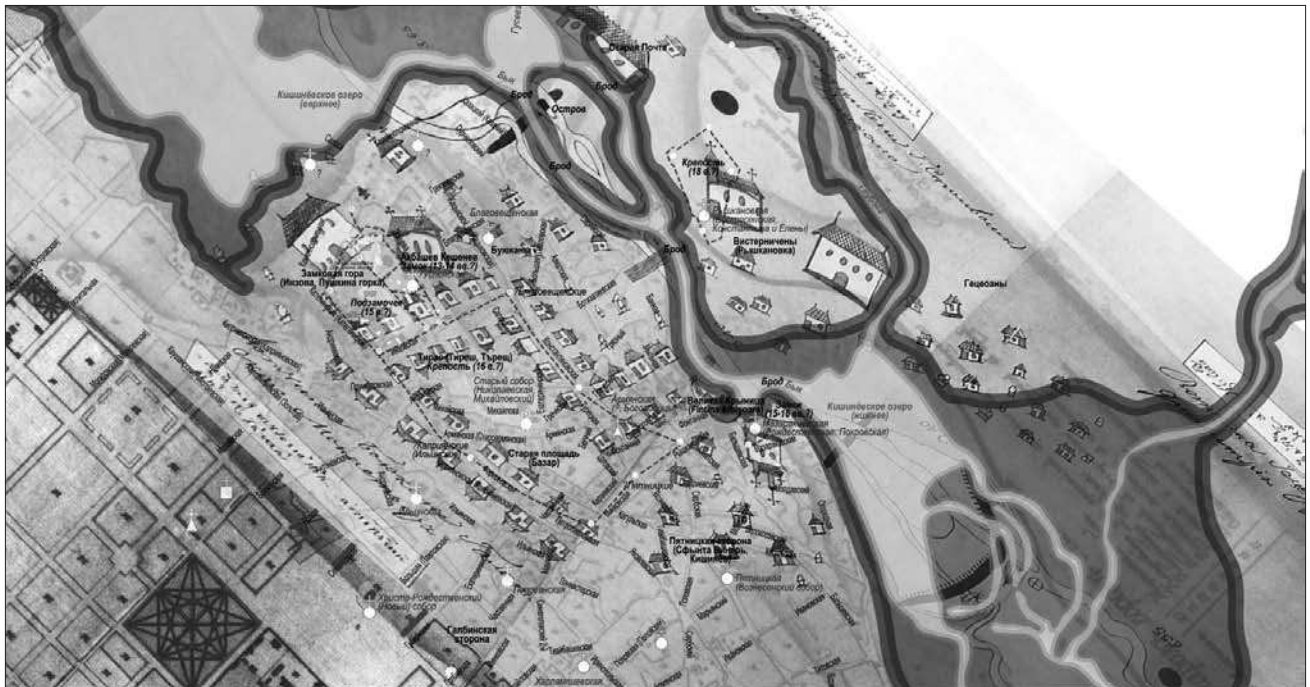

Рис. 26. Реконструкция ключевых элементов историко-географического ландшафта средневекового Кишинёва на основе интеграции плана межевания 1800 г. и плана города 1817 г.

Орхее (Шехр-ал-Джедиде): общий периметр – 8,2 км (преимущественно природные скалистые обрывы, а также искусственные рвы и валы), в т.ч. верхней крепости – 4,0 км (условно 1,4x0,6 км), средневековой золотоордынской цитадели – 440 м (120x100 м). Как видим, Кишинёвские фортификации занимают в этом списке срединное положение, по своим размерам более приближаясь именно к Тигинской (Бендерской) крепости. Но когда и кем такое сооружение могло быть воздвигнуто? Особенности строительства в начале XVIII в. дополнительных укреплений, к примеру, Хотинской крепости известны по множеству исторических документов, так как возведение подобной фортификации является очень затратным, с вовлечение большого количества строителей и рабочих и завозом строительных материалов. Все это описывалось, как и финансирование строительства. В XVIII в. в Кишинёве не имело смысла устраивать столь крупную крепость, особенно такой конфигурации. Уже давно, ведение войны, основывалось на использование артиллерии, из-за которой крепости становились бастионными, углубленными в землю, с полигональными платформами на углах для размещения орудий.

Но, с другой стороны, Заннони, изобразив Кишинёв именно в таком виде, имел в виду нечто совершенно конкретно напоминающее крепость. Как нам кажется, к XVIII в. это могло быть каким-то ограждением княжеской части Кишинёва. Выделение круглыми формами средин длинных сторон удивительным образом совпадает с пересечением этих куртин городскими улицами, что

указывает если не на полноценные башни, то на ворота для входа на эту зону. А «подквадратное» образование в северо-западной части, на высоком холме – не иначе как княжеская резиденция. Но, помня о том, что карта Заннони-1772 основана на османских источниках и отражает топографическую картину местности не позднее первой половины XVI – второй половины XVII вв., следует предположить, что крепость (вряд ли каменная, во всяком случае полностью, скорее – преимущественно деревянно-земляная) была воздвигнута именно в это время. Наиболее вероятно – для защиты юго-восточной границы Молдавии после захвата османами Тигины в 1538 г, часть жителей которой неизбежно должна была переселиться в близлежащее безопасное место. Ближайший к Бендерам на пути в сторону Сучавы и Ясс – Кишинёв. Переселение тигинцев сюда с берегов Днестра (Тираса), достаточно спонтанное и интенсивное строительство укрепления, способного стать противовесом оторгнутой крепости, объясняют и упоминания Челеби о городе Кишинёве на берегу Несторола в середине XVII в., и о Теистрештах, живущих именно в этой части вотчин Кишинёва и Буюкан в первой половине XVII в., и появление крепости Тирас (Тирац, Тираш) на географических картах уже в конце XVI в.

Выводы

Применение комплекса историко-географических методов исследования, ранее применявшихся (анализ исторических источников, изучение памятников наследия и их размещения), а также но-

вых (ретроспективный картографический анализ, ретроспективный градостроительный анализ, топонимический анализ, полимасштабное картографирование и районирование) позволили создать основу для реконструкции историко-географического ландшафта средневекового Кишинёва, выявить полицентрический характер зарождения и развития города, принципы формирования и эволюции в XIV-XVIII вв. главных дорог и уличной сети в целом, определить местоположение важнейших элементов городской архитектуры, требующие охраны и комплексных археологических изысканий, топографические предпосылки формирования Старой площади (Базара), городских фортификаций (стен и башен), в т.ч. изначального укрепления (известного в источниках начала XV в. как Акбашев Кешенев), где располагались упоминаемые в грамотах пыркэлабы (коменданты крепости), а в начале XIX в. разместился наместник новообразованной области.

Впервые досконально изучена и проанализирована историко-географическая информация, многочисленные сведения и детали о Кишинёве, а также окрестных с ним вотчинах, содержащиеся в старинных грамотах, предписаниях, межевых свидетельствах и другие документах, давно вошедших в научную дискуссию и представлявших противоречивыми, но ранее не систематизированных в полной мере. Зафиксирована изначальная принадлежность и единство вотчин в округе Кишинёва – чрезвычайно важный аспект для понимания его последующей эволюции, насыщенной историко-географическими коллизиями, запутанность которых приведёт впоследствии к многочисленным территориальным и хозяйственным конфликтам вплоть до начала XIX в., и ранее не ясной исследователям вопроса, несмотря на более чем столетнюю и многотомную историографию. Единство Кишинёва и одновременно его внутреннее деление на так называемые магалы, вотчины с самых древних времён найдёт своё отражение на всей историко-географической эволюции местности в течение всего последующего времени.

Введены в научный оборот и изучены ряд картографических источников XVI-XVIII вв., ранее не привлекавшихся для историко-географических исследований региона. Обнаружено и исследовано первое детальное изображение Кишинёва на древнейшей топографической карте Молдавии. На основе интеграции фрагмента карты и аэрофотоснимка 1944 г., а также плана межевания 1800 г. и плана города 1817 г. произведена попытка реконструкции ключевых элементов историко-географического ландшафта средневекового Кишинёва. Установлено, что Кишинёвская крепость, очевидно, была уничтожена в результа-

те пожаров и разрушений 1739 и 1788 гг. однако оставила чёткий след в планировке старой части города, что и сегодня проявляется в центральной части застройки столицы.

Литература

- Agachi, A. Restructurarea căilor de comunicație din Moldova medievală, în contextul central și sud-est-european // *Itinerarii istoriografice*. – Iași, 1996, p. 315-325.
- Alexandrescu, V. Autour de la carte de la Moldavie par Démètre Cantémir // *Revue des études sud-est-européennes* (Bucarest), tome XLIX, 2011, Nos 1-4, janvier-décembre, p. 139-188.
- Blessich, A. Un geografo italiano del secolo XVIII: Giovanni Antonio Rizzi Zannoni (1736-1814) // *Bollettino della Società geografica italiana*, ser. 3, vol. 11 (Yr. 32, vol. 35).1898.
- Büsching, A.-F. Nuova geografia, tradotta in lingua toscana da Gaudioso Jagemann. Vol. 7.
- Ciocanu, Sergius. Orașul Chișinău. Începuturi, dezvoltare urbană, biserici (sec. XV-XIX). – Chișinău: Cartdidact, 2017, p. 27, fig. 1.1.
- DRH – Documente Romaniae Historica. A. Moldova. – București: Vol. I, 1975; Vol. II, 1976; Vol. III, 1980.
- Eșanu, Andrei, Eșanu, Valentina. Chișinău, vatră de cultură și civilizație românească // *Destin românesc*. 1997, nr. 3 (15), p. 34.
- Evlia Celebi, în *Călători străini despre Țările Române*. Vol. III. – București, 1971, p. 72.
- Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi. VII. Istanbul, 2003.
- Giovanni Antonio Rizzi Zannoni. Scenziato del settecento veneto. A cura di Giuseppe Gullino e Vladimiro Valerio. – Venezia, 2015. 322 p.
- Neculce, Ion. Letopiseșul Țării Moldovei de la Dabija Vodă până la a doua domnie a lui Constantin Mavrocordat // *Letopiseșele Moldovei*. Chișinău: Hyperion, 1990, p. 432.
- Nesterov, T. Structura urbană a Chișinăului până la 1812 și relicele sale arhitecturale // *Arta* 2005. – Chișinău, 2005, p. 45.
- Nicolae, G., Tabuncic, S. Țara Moldovei în timpul domniei lui Ștefan cel Mare și Sfânt. Ținuturi, orașe, cetăți, ctitorii, așezări rurale atestate documentar – Chișinău: Ștrih, Integritas 2007. (hartă geografică).
- Tentiuc, I. Chișinăul în lumina noilor descoperiri arheologice // *Identitățile Chișinăului: Materialele conferinței Internaționale: „Identitățile Chișinăului”*, ediția a II-a, 1-2 octombrie 2013, Chișinău; Patrimoniul cultural al Chișinăului vs. dezvoltarea urbanistică, 25 iunie 2014, Chișinău / coord.: Sergiu Musteață, Alexandru Corduneanu. – Chișinău : Arc, 2015 (Tipogr. Bons Offices). – 308 p. P. 20-28.
- Vâlsan, G. Harta Moldovei de Dimitrie Cantemir // *Academia Română, Memoriile Secțiunii Istorice, série III, tome VI, 1926, p. 193-211 et 2 planches.*

- Белых, М. А., Герцен, А.А., Павлинов, П.С. Кишинёв // Большая российская энциклопедия. Том 14. Москва, 2009, С. 198; Электронная версия (2016); <https://bigenc.ru/geography/text/2070754>. Дата обращения: 01.04.2018.
- Герцен, А.А. 2004, 2007: Туристская карта Молдавии (на трёх языках). – Кишинёв: ИНГЕОКАД, 2004; 2-е изд. 2007.
- Герцен, А.А. Историко-географические ландшафты Северо-Западного Причерноморья // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география. М., 2013.
- Герцен, А.А. Проектное предложение по организации маршрута туристического автобуса // Академику Л. С. Бергу – 140 лет: Сборник научных статей = Academician Leo Berg – 140: Collection of Scientific Articles / Междунар. ассоц. хранителей реки Есо-TIRAS, Образоват. фонд им. Л. С. Берга, Бендер. историко-краеведческий музей; подгот.: Илья Тромбицкий; ред. совет: И. К. Тодераш [и др.]. – Бендеры: Есо-TIRAS, 2016 (Tipogr. Elan Poligraf). – 610 р.
- Герцен, А.А., 2017 г. Историко-географический ландшафт Среднего Днестра. Рашковский природный и историко-культурный комплекс. Географическая карта.
- Журнал майора фон Раана в 1787-1790 гг. // Кишиневские епархиальные ведомости, 1892, № VIII, с. 49.
- Кантемир, Д. Описание Молдавии. – Кишинев, 1973. Электронная версия: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Kantemir/frametext1.htm>. Дата обращения: 01.04.2018.
- Молдавская ССР. Административно-территориальное деление. – Кишинёв, 1968.
- Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов. Изд. 2., перераб. и доп. В 2-х томах. Т. 1.: Справочник. – М.: Картгеоцентр – Геодезиздат, 1999. – 340 с.: ил.
- Паскарь, Е.Г., Герцен, А.А. Топоним Молдавия: древнейшие упоминания и новые этимологии // Русин. 2016. № 1 (43).
- Русев, Н. Кишинев в молдавских грамотах XV–XVI вв. // Revista de istorie a Moldovei. 1995. № 2. С. 52-57.
- Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. / Печатано под ред. И.Н. Халиппы. – Кишиневъ; Томъ первый, 1900 г. Томъ второй, 1902 г. Томъ третий, Кишиневъ, 1907 г.
- Челеби, Э. Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М.: Наука, 1961.